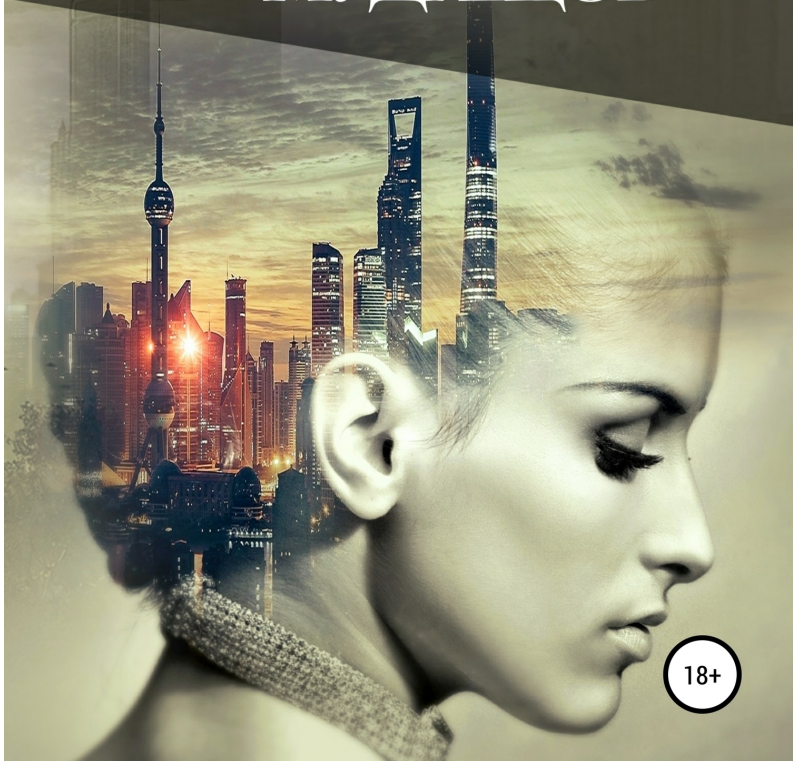

ДЕЛИЯ МОР

ОХОТА НА МУДРЕЦОВ

18+

Дэлия Мор

Охота на мудрецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39151970

SelfPub; 2019

Аннотация

Казалось бы, что может связывать генерала и девушку с психическими отклонениями? Он один из двенадцати правителей планеты. Она большую часть жизни провела за стенами закрытой лечебницы. Только вот ее дар мудреца помогает видеть эмоциональные привязки, что может помочь выявить предателя. И с момента встречи закручивается история отношений, изменяющая судьбы целого мира. Любовь и предательство, доверие и подозрение, свобода и эмоциональный плен сплетаются в причудливый клубок, распутать который под силу лишь двоим. Обложка создана Ольгой Волковой aka Перекресточек с использованием изображений с сайта shutterstock.

Содержание

Глава 1. Ночь после бала	4
Глава 2. Я – мудрец	24
Глава 3. Узники закрытого военного центра	39
Глава 4. Либрарий Его Превосходства	58
Глава 5. В горной резиденции	76
Глава 6. Ночные кошмары	92
Глава 7. Марк Сципион Мор	110
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Глава 1. Ночь после бала

Поцелуй генерала терпкий на вкус, с легкой ноткой Шуи на кончике языка. Наилий пьян. Не до беспамятства, а так, чуть-чуть. Ягода Шуи очень токсична, и скоро у меня начнет кружиться голова именно от неё, а не от страсти. По-настоящему пьянящий поцелуй. Генерал заводится, обнимая и прижимая крепче. Я чувствую жар даже через его парадную форму и ткань моего платья. Забываю о прохладном ночном воздухе, ледяных каменных перилах и колких взглядах других парочек на балконе. Мне не нужен наркотик, чтобы потерять рассудок. Я уже не понимаю, что делаю, порывисто обнимая Наилия за шею, вздрагивая в его руках. Уплываю в ночное небо, не ощущая опоры под ногами.

– Беда, – шепчет генерал, оторвавшись от меня, – китель короткий, ничего не прикрывает.

Я тяжело вздыхаю, пытаюсь вернуться в реальность.

– Что делать?

– Обратно в бальный зал мне в таком состоянии нельзя, – тихо смеется Наилий, – надо успокоиться. Отвлеки чем-нибудь. Давай поговорим о работе.

Меньше всего мне хочется сейчас вспоминать бесконечную вереницу лиц, голосов, протянутых рук и натянутых улыбок. Анализировать, что значат считанные эмоции, и

распутывать противоречивые клубки цветных ниток привязок. Не хочу. Но генерал дышит спокойно и ровно, отпустив меня и шагнув в сторону.

– Обо всех рассказывать? – спрашиваю я, стараясь чтобы в голосе не было недовольства, но пережитое только что вносит свои краски. С придыханием говорю, как по уши влюбленная дурочка. Хотя так и есть на самом деле.

– Нет, – качает головой полководец, – только самое яркое, что заметила. Что показалось необычным.

Тихий, собранный и сосредоточенный. Что я успела себе нафантазировать? Что красивое платье и прическа сделают меня привлекательней, чем была? Сделают достойной его? Это просто Шуи. Один поцелуй и только лишь.

Проклятая наркотическая ягода Шуи, содержащая единственное вещество на планете, способное опьянить цзы'дарийцев. И вальс, и яркие огни бальной залы. Блеск верхушки командования пятой армии. Все полковники, майоры и капитаны со своими спутницами. Прекрасными, утонченными, элегантными. И я, которая еще неделю назад путалась, с какой ноги делать шаг вальса. Под руку с Его Превосходством Наилием Орхитусом Ларом. Дикость? Нет. Заранее спланированная операция.

– Есть выбросы эмоций, не подтвержденные внешними признаками, – я стараюсь говорить спокойно и по-деловому, но получается плохо, голос вибрирует, – подавленное раздражение, агрессия.

– У кого? – спрашивает Наилий, отвернувшись от меня и рассматривая майора с дамой в красном платье, которая о чем-то рассказывает и смеется на весь балкон.

– Клавдий Тит, Гней Ром, – начинаю перечислять имена. Генерал хмурится и кивает на каждое.

– Есть у них причины раздражаться. Дальше.

– А есть яркие внешние признаки, не подтвержденные эмоциями, – говорю, переждав очередной взрыв смеха от спутницы майора. Наилий морщится и разворачивается ко мне. Подходит вплотную, положив руки на перила ограждения. Я снова в объятиях. Почти.

– Это как? – тихо спрашивает полководец, склонившись ко мне так близко, что я ощущаю его дыхание на щеке.

– Это когда внутри холоден и спокоен...

О, как я сейчас мечтаю об этом. От генерала исходит божественный аромат свежести с тонкой ноткой эдельвейса.

– ...а вслух громко возмущаешься, оживленно жестикулируешь.

Наилий обнимает меня, скользя ладонями по спине, касается губами шеи. Мысли путаются, рассыпаются, и я не могу закончить фразу.

– Мамер угробил десантный катер, – шепчет генерал, – знает, что виноват, и не стыдно. Но дергается на каждое замечание по этому поводу.

Я болезненно вдыхаю холодный ночной воздух и предпринимаю последнюю, отчаянную попытку отстраниться. Хочу

оттолкнуть Наилия, но вместо этого кладу руки на плечи, на генеральские погоны и замираю.

– Дэлия, – выдыхает моё имя полководец, – я что сказал тебе делать?

– Отвлекать, – беззаботно улыбаюсь я.

– Плохо отвлекаешь. Не помогает.

И снова вкус Шуи. Поцелуй настойчивый, требовательный. До головокружения, до слабости. Наилий, забывшись, обнимает за бедра и тут же отпускает.

– Давай сбежим, – хрипло выговаривает генерал.

Я согласно киваю, стараясь не смотреть по сторонам. Взгляды тянутся к нам липкими нитями паутины. Чужое любопытство наощупь бывает крайне неприятным. Но сейчас у меня нет сил закрываться. Я думаю только о том, как пойду через весь бальный зал с пылающим лицом, не в силах поднять глаза. Незамеченными не уйдем. Обязательно кто-нибудь остановит с очередным разговором ни о чем. И все будут понимающе улыбаться. А я стору со стыда. Статус любовницы генерала, как клеймо «одноразовая».

– Может быть, позже? – осторожно спрашиваю я. – Когда закончится бал.

– Нет, – твердо говорит Наилий, – без меня на балу станет только свободнее и веселее. Уйдем незаметно.

– Как? – удивленно спрашиваю я, почти уверенная, что вопрос глупый. – Весь транспорт внизу, а с балкона на выход только через бальный зал.

– У меня в запасе всегда есть обходной маневр, – улыбается генерал, а в голубых глазах поблескивает озорство. Сейчас он чем-то напоминает мне мальчишку. Вечно юный, застывший в своем семнадцатом цикле, обманчиво хрупкий. Но я знаю, каким умным и опасным противником может быть мальчишка, проживший шестьдесят циклов.

Наилий достает из кармана форменных брюк брелок и нажимает на кнопку. В темноте парковки внизу загораются габариты. Я успеваю улыбнуться и подумать о том, что, прыгнув с такой высоты, переломаю ноги, как фары вдруг взлетают вверх. Плавно так взлетают, под вздохи восхищенных зрителей. То, что я приняла за автомобиль, оказалось воздушным катером. Никогда не видела ничего подобного. Привыкла, что все транспортные катера размером с дом и существуют только в небе и на космодроме. Поверить невозможно, что передовую, секретную и сложнейшую технологию поместили в столь маленький корпус. Повинуясь щелчкам кнопок на брелоке, чудо инженерной мысли подлетает к перилам балкона. С автомобилем катер роднят только круговые окна и плавные очертания корпуса. Серебристого, с темно-синими декоративными вставками. И ни колес, ни крыльев, ни реактивных двигателей на корме. Только ровное голубое свечение под днищем.

– Он одноместный, но нам с тобой тесно не будет, – говорит Наилий и легко перепрыгивает через перила на корпус катера. А я вспоминаю про свои бальные туфли на чрезвы-

чайно высоком каблуке.

– Обувь хорошо бы снять, иначе поскользнёшься. А здесь высоко.

Предупреждению генерала лучше внять. Я быстро сбрасываю туфли, поднимаю их с пола и вижу протянутую Наилием руку. Хватаюсь за неё и совсем не грациозно перелезаю через перила балкона на корпус катера. Он плавно качается под моим весом, отчего охота запаниковать. Покатые бока, правда, скользкие, так опора под ногами еще и брыкается. Я делаю шаг, еще один и нахожу в себе силы поднять взгляд от корпуса.

Наверное, Шуи уже действует, потому что я замираю, любясь генералом. Не по-военному длинная светлая челка аккуратно уложена, темные брови, как всегда, нахмурены, а россыпь веснушек добавляет озорства в строгий облик. Юное, гладкое лицо мальчишки с выразительными скулами и острым подбородком. Единственный тонкий шрам тянется под бровью. Цзы'дарийцы не стареют. Таким он будет даже через сто циклов. И ляжет на погребальный костер в своем белом парадном кителе.

Я смущаюсь собственных мыслей, опуская глаза. Наилий делает два шага до кабины и снова нажимает на брелок. Прозрачная крыша катера откидывается вверх. Внутри единственное кресло в обрамлении моргающих лампочек и цифровых табло. Места совсем мало, как мне кажется, но я молчу. Генерал устраивается в кресле и говорит:

– Ложись.

Вот, значит, как. Я чувствую, что краснею и внутренне сжимаюсь от желания сбежать. Спину пронзают взгляды зрителей с балкона, а ноги вот-вот предательски задрожат. Он смеется надо мной? Предлагает лечь на него на глазах у майоров, капитанов и полковников пятой армии?

– Дэлия, чем дольше ты стоишь на катере, тем больше внимания привлекаешь. Ложись.

В голосе уже властные нотки, а в нос ударяет фантомный запах апельсина. Но я и без него догадалась, что включилась харизма генерала. То самое, иррациональное и не поддающееся осмыслению качество всех правителей, которое заставляет смотреть на них с подобострастием. И выполнять любые прихоти и желания. Я не умею от него закрываться и ныряю с головой в терпкий запах цитруса.

Внутри кабины прохладно, работает климат-система. Мои голые руки и спина в глубоком вырезе платья немедленно отзываются дрожью. Я пытаюсь спрятать пылающее лицо на плече полководца.

– Вам не тяжело, Ваше Превосходство?

– Ты почти ничего не вешишь, – отвечает Наилий, – а теперь ляг еще ниже, а то получишь крышкой люка по затылку.

Не знаю, как, но у меня получается. Хотя все время кажется, что я на что-нибудь нажму локтем или неосторожно задену бедром. Не представляю, как генерал будет управлять катером. Руля или штурвала нет, в ногах, наверное, педали,

а под ладонями полководца две светящиеся синим полусферы. И запястья в крепких широких кольцах. Крыша опускается с тихим шипением, погружая нас во тьму. Я слышу, как внутри машины нарастает вибрация, а где-то над моей шеей ярко загорается дисплей.

– Мне, конечно, удобно и хорошо, – говорит генерал, – но если хочешь увидеть что-то кроме петлицы на кителе, то перевернись на спину.

– А что я могу увидеть?

И, куда он меня везет, так ведь и не сказал.

– Ночную Равэнну.

Пока я переворачиваюсь, вибрация рождает мерный гул. Наилий погружает пальцы в полусферы, и меня вжимает в него от резкого рывка катера вверх. Я успеваю заметить на дисплее пролетающие мимо кроны деревьев, исчезающие шпили здания генерального штаба, а потом все заполняет бескрайнее ночное небо. Где-то там, высоко, тысячи миров и десятки разумных рас. Настолько далеко сейчас, что перестают значить для меня хоть что-нибудь. Вселенная схлопывается до черного листа бумаги в брызгах белой краски. А я вдыхаю аромат эдельвейса и спиной чувствую тепло генерала.

Катер опускает нос вниз, и я вижу с немыслимой высоты прекрасный ночной город. Равэнна расчерчена паутиной дорог. По ним течет янтарный свет уличных фонарей. Стекланные высотки светятся изнутри холодным белым, игри-

вым зеленым и теплым золотым. Город как остров плывет в черном океане.

– Держись, – шепчет генерал, и мы падаем вертикально вниз. Я успеваю раскинуть руки, хватаясь за что придется, и воздух вышибает из легких. Ужас и восторг одновременно. Дома летят на нас, целясь острыми пиками шпилей в сердце. Фонари, окна, фары автомобилей ослепляют и кружатся перед глазами. Земля все ближе, и я не выдерживаю. Чтобы не завизжать, как девчонка, закрываю глаза. Разобьемся вдребезги. Управление откажет, я почти уверена, а в ушах спокойный голос:

– Смотри, смотри.

Я распахиваю глаза и ныряю между домов. Все-таки кричу, когда катер выходит из пике, едва не чиркнув днищем о крыши машин на дороге. Наилей нагло и безрассудно ложится в вираж. Кладет катер на бок и скользит вдоль зеркального фасада военного завода. Наше отражение вздрагивает и ломается, рассыпаясь на стыках и неровностях зеркал. Мне кажется, я вижу своё испуганное лицо. А генерал тихо смеется:

– Больше никаких трюков, не бойся.

Я с трудом верю, но он держит слово. Выравнивает машину и летит над дорогой. После дождя по мокрым улицам словно янтарь льется. Машины вязнут в нем, наматывают лужи на колеса, ворчат в пробках. А полководец, не замечая светофоров и наплевав на знаки, уносит нас из города. Все

яркие краски Равэнны остаются за спиной. Вернее, за головой, так как я все еще лежу и дышу ровно, уговаривая сердце не трепыхаться. Через пять минут становится видна конечная цель путешествия. Генерал везет меня домой.

Сейчас расступятся черные деревья, и на пустыре зажгутся сигнальными огнями забор центра. Пять серых трехэтажных корпусов за колючей проволокой. Над ухом у меня пищит зуммер вызова и ласковый женский голос сообщает:

- Вход в зону ограниченного доступа, назовите себя.
- Наилий Орхитус Лар, – четко и громко отвечает генерал.
- Добро пожаловать на объект ди два лямбда пять, Ваше

Превосходство.

Я знаю, что это робот и речь синтезирована. Но мне все равно слышится в голосе нежность и захлестывает обида на несуществующую женщину. Неужели ревную? Сейчас генерал высадит меня из катера и улетит к себе в особняк. Прогулка окончена, мы на секретном военном объекте. Я тихо вздыхаю и прикусываю губу.

- Никогда не возвращалась домой через окно?

Дергаюсь от неожиданности и поворачиваю голову, рассматривая жесткую линию подбородка Наилия.

- Окно снаружи не открыть.

– Это ты так думаешь, – говорит генерал и останавливает катер. Мы висим на высоте третьего этажа напротив левого крыла больничного корпуса. Крыша поднимается, и я первой встаю из кресла. Забираю туфли и делаю три шага к ок-

ну. Обычное, пластиковое окно без сигнализации и средств защиты. Это радует, но как его оторвать, если ручка внутри?

Если не получится, то придется спуститься на землю. Возвращаться через пост охраны на входе и пост санитара на этаже. Объяснять, где была и что делала, почему нарушила режим. Вечером генерал фактически выкрал меня, и я не успела никого предупредить. Сутки взаперти мне обеспечены, а то и перевод на первый этаж к буйным и склонным к самоубийству. Я вздыхаю и прислоняюсь лбом к стеклу. Шагов генерала не слышно, только катер чуть качается.

– Разреши мне...

Я отхожу в сторону и в шоке смотрю на обыкновенную фомку в руках полководца. Он отстраняет пальцем черную резинку уплотнения от рамы, ставит туда металлический клюв и давит на рычаг. Створка с легким щелчком открывается.

– Всего-то надо отогнуть ответную планку, – хладнокровно заявляет Наилий. Будто каждый день взламывает окна.

Я стараюсь не открыть рот от удивления. В голубых глазах генерала задор, а на губах довольная улыбка. Мне бы промолчать, но его радость так заразительна.

– Ваших талантов не счесть, Ваше Превосходство.

– Чем только ни приходилось заниматься, – отвечает Наилий и становится серьезным. Он не выдает признаков волнения. Разве что напряжен более обычного. А я не знаю, куда себя деть. Окно открыто, и пора прощаться. Окончен бал,

огни погасли. Сейчас я сниму бирюзовое бальное платье, надену больничную одежду и лягу вспоминать наш вальс, ночную Равэнну и поцелуй с ноткой Шуи на кончике языка.

Генерал молчит, пауза затягивается. Я успеваю подумать о том, что все правильно. Не нужна ему интрижка с такой, как я, а мне стоит забыть свою глупую влюбленность. Какая девочка не мечтает о генерале? Один из двенадцати лучших воинов на планете. Первый после всех несуществующих богов. Звездное небо бликами на золотых погонах, россыпь веснушек на щеках. Я беру его за руку и тяну за собой в окно. Нет смысла называться сумасшедшей, если не совершать безумных поступков.

Фомку Наилий бросает на кресло катера, перебирается вслед за мной в палату и щелкает брелоком, закрывая катер и паркуя его на земле. В палате темно и тихо, я увожу генерала от окна ближе к кровати. Уверенная и смелая. Решилась ведь. После ярких огней глаза никак не привыкнут к мраку, и я не вижу, а только чувствую, как Наилий гладит меня по плечам, спускается по голой спине в вырезе платья вниз. Я прижимаюсь к нему, обнимая за талию, и прячу лицо на плече. Металлические вставки погон чуть не царапают щеку. Уютное ощущение тепла и удовольствие от ласки вытесняются страхом. Чем настойчивее становится генерал, тем отчетливее я понимаю, что он сейчас меня разденет и будет трахать. Низ живота сводит спазмом. От него разливается горячая волна, а сердце заходится от ужаса.

Наилий выпускает меня из объятий и берет пальцами за подбородок. Касается поцелуем сначала легко и осторожно, а потом проникает языком, заставляя выгибаться к нему навстречу. Я порывисто обнимаю его за шею, встаю на носочки, чтобы дотянуться. Дрожь по телу, как мелкий озноб. Будоражит и щекочет нервы. Вдруг генерал берет мою руку и кладет себе на брюки. Я чувствую, что он горячий, твердый, и паника накрывает меня. Остатки самообладания летят в бездну. Я всхлипываю и выдергиваю ладонь из его пальцев. Он замирает. Я слышу только тяжелое дыхание. Своё, не его. Не могу успокоиться, стыд заливаает алым щеки. Наилий снова берет меня за руку, и я опять её отдергиваю.

– Дэлия, – тихо говорит полководец, – я не мудрец, но твой страх вижу отчетливо. Скажи «нет», и я уйду.

Благородно, но мне этого не хочется. Я не смогла справиться с собой. Струсила. Он поймет, но не простит. И больше ничего не будет. А это пугало сильнее всего остального.

– Не уходи, пожалуйста, – прошу я и прислоняюсь лбом к его плечу. Наилий вздыхает и обнимает меня. Долго молчит, а потом спрашивает.

– Никогда не видела обнаженного мужчину?

Признание дается мне с трудом, но я отвечаю:

– Да.

Его голос звучит необычно. Будто внутри меня и очень мягко.

– Ты понимаешь, что между нами будет? Хочешь этого?

Я заглядываю в себя и читаю эмоции. Их много, они яркие. Неуверенность, страх и паника, как жгучие специи. Тяжело справиться, правда. Но я ищу среди них другое. То, что заставляет трепетать и вздрагивать под взглядом генерала, желать, чтобы держал в руках вечность. И целовал как сейчас. Страх уходит, а я привычно вдыхаю аромат эдельвейса. Поворачиваю голову и отвечаю.

– Да.

Наилий улыбается и гладит меня по спине. Запускает пальцы в мои завитые кудрями волосы и целует в висок.

– Тогда тебе нужна Шуи, поверь мне. Найдешь стакан горячей воды?

Я давлюсь смущенной улыбкой. Обещаю вернуться через минуту и иду в ванную, шаря рукой по стене в поисках выключателя. Горячая вода только здесь, и нужен стакан из шкафчика. Шуи заваривают кипятком, разбавляют сахаром и пьют по глотку. Я весь бал уклонялась от пьянящего напитка. Видимо, зря. Палату теперь освещает торшер, а генерал ждет меня, сидя в кресле у низкого столика напротив кровати. Белый китель он повесил на спинку кресла и расстегнул рубашку до пояса. Я ставлю стакан на стол и смотрю на то, как черная ягода падает в воду и распускается бордовым цветком. Наилий крутит стакан, перемешивая напиток, и протягивает мне.

– Один, не больше.

Мне и одного глотка слишком много. Тяжелая ночь, пол-

ная болезненных сновидений, обеспечена. Все мои демоны слетятся и будут терзать до утра. Расплата за удовольствие, какая бывает только у мудрецов. Но Наилий просил верить ему. Я решительно выдыхаю и делаю глоток.

Без сахара Шуи кислая до оскомины и сразу же, без предупреждения, меня накрывает первой волной эйфории. Жаркая, как пламя, она прокатывается по обоим кругам кровообращения и особенно сильно чувствуется на слизистых. От Шуи будет и вторая волна. Сильнее первой и на пятнадцать минут позже.

Я выпадаю из реальности на несколько секунд и возвращаюсь под треск расстегиваемой молнии на платье. Генерал вынимает меня из него, как из футляра. Бросает платье на кресло и следом свою рубашку.

Палата уже плывет перед глазами, а по полу стелется туман. Но прежде, чем Наилий выключает свет, я успеваю разглядеть на его груди белые полосы шрамов. Тонкие линии ножевых ранений, круглые кляксы огнестрельных, причудливые звездочки плазменных. Я вожу по ним пальцем, думая о том, сколько ему пришлось пережить боли. И удивляюсь, почему не сидит в штабе под охраной.

– Почему?

– Я солдат, Дэлия. Такой же, как каждый в моем легионе, – отвечает он и берет меня на руки, чтобы уложить на кровать. Я чувствую спиной холод простыней, закрываю глаза уже от стеснения, а не от ужаса, пока Наилий снимает с

меня белье. В тишине только шорох ткани форменных брюк и мой болезненный выдох, когда генерал коленями разводит мои ноги и накрывает телом.

– Придет вторая волна, скажи мне «жарко», – шепчет он и целует в шею.

Надеюсь, что вспомню об этом. Это едва ли возможно. Наилий спускается с шеи на грудь, обхватывая губами сосок. Играет, дразнит языком. Я снова чувствую томление внизу живота. Сладкое, тяжелое. Оно усиливается, когда генерал ведет ладонью по бедру с внутренней стороны. Ласкает, пока я снова не вздрагиваю от озноба. Глажу его по спине, запуская руку в волосы, и бесцеремонно тяну вверх к себе. Чтобы впиться поцелуем. Жадным, бесстыдным. Наилий тихо стонет сквозь поцелуй и касается меня между ног. Пальцы скользят мягко, нежно, а я выгибаюсь дугой. Невероятное ощущение. Яркое, дарящее легкость во всем теле.

Мне не хватает воздуха, сдержать свои стоны невозможно. Генерал убирает руку и упирается в меня. Возбужденный, твердый как камень. Я не знаю, как смогу принять его в себя. Не успеваю подумать об этом. В животе рождается вторая волна. Течет жидким пламенем по венам. Я говорю со стоном «жарко» и чувствую толчок, а за ним резкую боль. Дергаюсь всем телом, закусываю губу, чтобы не заорать, а Наилий вжимает меня в кровать.

– Тише, тише, – слышу я.

Вторым толчком генерал входит на всю длину. Я вскри-

киваю, сжимаясь пружинкой, и упираюсь руками в его живот, пытаюсь оттолкнуть. Эйфория от Шуи накрывает с головой. Боль превращается в наслаждение. Наилий двигается сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, входя в ритм. Мои стоны становятся долгими, протяжными. Я вздрагиваю на каждый такт, отпускаю с сожалением и встречаю с восторгом. Сжимаю ногами его бока так сильно, как могу. Кровь стучит в висках, сознание соскальзывает во тьму. Я подаюсь вперед, насаживаясь на генерала сама. Внутри меня он становится еще тверже, или это я так сильно сжимаюсь? Снова больно, но по-другому. Тело просит разрядки и жаждет взрыва. Наилий вколачивается в меня, разгоряченный и безумный. Стонет так, что почти кричит. Я сминаю простынь в кулаках, и тело ломает судорога. Уши закладывает, сердце колотится, и немеют кончики пальцев. Генерала дергает едва ли слабее, он захлебывается криком и ложится на меня, пульсируя и отдавая семя.

Тяжесть его веса приятна, но дышать удается с трудом. Я вожу рукой по мокрой от пота спине, пропускаю сквозь пальцы пряди волос на макушке. Неуставная прическа у генерала, но даже в таких мелочах ему можно все. Он поднимается на локтях и легко целует мои приоткрытые губы.

– У тебя ведь есть душ в палате?

– Да, конечно, – улыбаюсь я, – мой карцер практически люкс.

– Тогда пойдем.

Мы встаем с кровати, и до ванной я иду, все еще чувствуя дрожь в ногах. Благодаря Шуи собственная нагота не беспокоит, но на генерала за спиной я предпочитаю не оборачиваться.

Душевая кабина полуавтоматическая, включает воду выбранной заранее температуры, как только я отодвигаю дверцу. Внутри вкусно пахнет яблочным мылом. Наилий забирается следом за мной и встает под струи воды.

Намыливание лишь чуть-чуть похоже на ласку, мы оба устали. Стенки кабины зеркальные, освещение в ванной яркое, и я все равно рассматриваю генерала с ног до головы, как бы не смущалась. Сильное, тренированное тело и шрамов так много, что они напоминают контурную карту материков и океанов на планете. Любопытство дергает меня за язык, а опьянение не дает сдержаться.

– Все солдаты выглядят как ты?

– Нет, – качает головой Наилий, – я за всю жизнь не свел ни одного шрама, поэтому такой разрисованный. Молодым нравится гладкая кожа, и одни идут под машинку, сводить все рубцы. Чтобы перед женщинами было не стыдно раздеваться.

У меня краснеют кончики ушей, а он вдруг меняет тему.

– Не волнуйся за сегодня, не забеременеешь. Я улетаю в командировку, поэтому уже под временной стерилизацией.

Я поджимаю губы и молчу. На этот раз получается. Наши генетики зорко следят за тем, чтобы от цы'дарийцев жен-

щины других рас не рожали детей. Всех, кто покидает планету, стерилизуют и снимают блокаду по возвращении.

– Но я не успела рассказать, что увидела.

– Успеешь, – отвечает генерал, глядя меня по мокрым волосам, – я вернусь через неделю. Ты рисуй пока свои схемы, черти привязки и не закрывай сегодня окно. Свободный час перед космодромом у меня будет. Увидимся.

Я прячу у него на груди счастливую улыбку. Почти смирилась с мыслью, что теперь мой удел – вечное ожидание. Когда прилетит, захочет ли видеть, найдет ли время? Я никогда не смогу назвать Наилия своим. Слишком плотная вокруг него толпа и слишком много рядом женщин. Впору загадывать, как быстро он меня забудет. Месяц? Два? Или быстрее?

– Мне пора, – осторожно начинает прощаться генерал, – надо закончить дела и собраться в дорогу.

– Да, конечно, – покладисто киваю и выключаю воду. Он целует меня и выходит из кабинки, а потом из ванной, на ходу снимая с вешалки полотенце.

Я даю ему время спокойно одеться. Вытираюсь тщательно, приглаживаю расческой волосы и собираю их в короткий хвост. Распустились под водой кудри, теперь я снова похожа на себя. Бледная вся до кончиков волос. Цзы’дарийцы светловолосые, но не все такие белые, как я. Здесь в центре меня называют Мотылек. А я иногда мысленно зову Молью. Метр сорок восемь роста, на пять сантиметров ниже генерала. Но для женщин нашей расы вполне стандартно. Мужчины вы-

ше, но ненамного.

Заворачиваюсь в полотенце и выхожу. Свет от торшера выхватывает из темноты фигуру генерала в парадной форме. Он поправляет ворот кителя и идет ко мне, чтобы обнять.

– Ложись спать, день был длинным.

Разворачивается, уходит и уже в окне говорит, что скоро вернется.

Я верю, смотрю вслед улетающим огням воздушного катера и тянусь за больничной сорочкой. Спать страсть как не хочется. Но позорное желание сбежать от сновидений я давно вырвала на корню. Ну, здравствуйте, дорогие демоны, призраки и ночные кошмары. Давно не виделись. Теперь у вас много новых поводов меня помучить.

Глава 2. Я – мудрец

Дотерпеть до утра я не смогла. Дважды просыпалась с криками. В первый раз показалось, что на меня падает потолок, а во второй – я увидела на кровати огромного паука и решила его прогнать. Одеяло на полу, простынь комком в середине, а подушка где-то в ногах. Небо в окне темно-синее, предрассветное, весь день впереди, а я будто и не засыпала.

После Шуи хочется выпить море и съесть слона. Но придется терпеть до завтрака, которого за побег на бал меня, скорее всего, лишат. Встаю, чтобы пойти умыться, и замечаю на столике стакан с темно-красным напитком. В центре Шуи под строжайшим запретом. Считается, что мы и так буйные. Надо вылить, раз генерал забыл, пока санитары не увидели. Я беру стакан и понимаю, что не вылью. Целый стакан – это хорошая вечеринка на весь этаж. Наши не простят. Но куда его спрятать? Нарезаю круги по комнате и в итоге ставлю на пол за ножкой кресла.

Местный дрон-уборщик туповат, функции распознавания мусора не имеет. Скоро заявится, пробравшись через качающуюся створку в нижней части двери. Круглый, как таблетка, и настырный, как щенок. Будет шумно всасывать пыль и попискивать, натываясь на мои ноги. Я его один раз пнула, так он аварийное сообщение отправил о попытке взлома.

Выслушивала потом лекцию от старшего санитаря о недопустимости порчи имущества центра.

Умывшись и переодевшись в белую больничную рубашку и штаны на резинке, расправляю простынь на кровати. Проклятье! Была уверена, что рассказы о жутких кровавых пятнах после первого раза не более чем страшилка для девочек. Ошиблась. Простынь застирать надо. Не хочу, чтобы в прачечной пятно заметили даже случайно.

Странно, но за вчерашнее совсем не стыдно. Низ живота ноет от приятных воспоминаний, а губы растягиваются в улыбку.

«Жаркая была ночка», – раздается голос у меня в голове.

«И тебе доброго утра», – мысленно отвечаю я.

Своего эмоционального паразита я впервые услышала на шестнадцатом цикле, назвала Юрао и по глупости рассказала о нем матери. Родительница немедленно вызвала медиков и долго причитала, заламывая в отчаянье руки. Я тогда не понимала, что мне грозит, и с готовностью отвечала на вопросы. Да, я с ним общаюсь. Да, вижу. Нет, в комнате его нет, он здесь, в голове. Как выглядит? Как генерал вон на том плакате. В больницу на осмотр и анализы? Конечно, только сумку с собой возьму.

Благодаря Юрао в моей медицинской карте появился диагноз шизофрения. Я одна из первых обнаруженных мудрецов. Но тогда нас еще называли психами, держали на медикаментах и прикручивали ремнями к кроватям. А потом по-

явился Создатель со своей теорией социогенеза, и горсткой сумасшедших всерьез заинтересовались военные во главе с генералом Наилием Орхитусом Ларом. На моем двадцатом цикле матушка получила известие о самоубийстве дочери и урну с прахом. А я вот уже десятый месяц являюсь военной тайной, живу в секретном центре, состою на пищевом довольствии, ношу больничную одежду, и за мной постоянно следят санитары в званиях не ниже лейтенанта. У меня нет имени, семьи и прошлого. Все, что осталось своего, – прозвище Мотылек и паразит Юрао.

Он питается моей энергией. Не всей подряд, а только бледно-зеленого цвета. Похоть, страсть, влечение к мужчине. Главное – не перепутать с любовью, она имеет розовый оттенок. Юрао ест меня и заряжается, как батарейка. Потом тратит энергию на общение и помогает работать. Когда разряжается до нуля, я перестаю его слышать. И процесс питания начинается сначала. В ход идет любая мысль на заданную тему, воспоминание, эмоции. Голодный паразит бывает весьма настойчив. Пока я не привыкла, случались конфузы. На приеме у врача вдруг представляла, как сажусь к нему на колени, расстегиваю рубашку, глажу мускулистую, волосатую грудь. Доктор задает вопрос, а я молчу. Он подходит, видит рассеянный взгляд, дебильную полуулыбку, щелкает пальцами у носа, я прихожу в себя и сбивчиво вру, пытаюсь объяснить, что это было.

Паразит изобретателен, хитер и не упускает ни одного

шанса поестъ. Даже является в образе любимого мужчины. С пятнадцатого цикла это Наилий, и теперь, наверное, так будет всегда. Меня снова топит жаркой волной воспоминаний. Настоящий пир вчера был у паразита. На неделю вперед нажрался.

«Раз ты такой сытый и довольный, давай работать», – обращаюсь к Юрао и достаю с полки журнального столика листы бумаги и цветные ручки.

Я мудрец первого уровня. Единичка, как мы говорим. Умею и могу не много, но кое-что удастся. Я чувствую привязки – тоненькие ниточки, протянутые от цзы'дарийца к цзы'дарийцу. Соломинки, через которые мы пьем друг друга, и по ним, как по проводам, течет энергия. Какие бы отношения ни завязались, всегда появляется привязка. Любовь, влечение, дружба, чувство долга, зависимость, ненависть, желание убить. Они очень разные, и их невероятно много. Чем крепче связь, тем толще привязка. Есть привязки-канаты, привязки-тросы. Я видела привязки как пуповины. Но большинство напоминают ниточки паутины. Каждый утыкан ими с ног до головы, как ёжик иголками. Они переплетаются, свиваются в косы и завязываются узлами иногда.

Обычно я чувствую все сразу как поток галлюцинаций. Открываюсь и ныряю в тактильные ощущения, запахи, иногда что-то слышу. Никогда ничего не вижу. Разбираться в этой каше мне помогает Юрао. Я прошу, а он показывает и саму привязку, и от кого к кому она тянется. И я начинаю ри-

совать. Пишу имена, черчу разноцветные линии, какая привязка, такой и цвет. Так получаются карты и схемы.

Самую первую схему я нарисовала четыре цикла назад на персонал больницы и показала лечащему врачу. Он сначала долго усмехался, задумчиво жевал губы, а потом попросил оставить ему листок. На следующий день меня вызвали к главврачу, и он ласково, как умеют только психиатры, стал расспрашивать, откуда я все знаю. Беда в том, что нарисованная мною реальная картина никогда не совпадает с нашими представлениями. Мы лжем, интригуем, замышляем, изворачиваемся. Друг может оказаться на самом деле врагом, мужчина нелюбимым, женщина неверной. Главврач сделал свои выводы и попросил меня впредь тренироваться на пациентах или не тренироваться вовсе. Потом, правда, ко мне по одному подходили санитары и просили посмотреть и рассказать. Мне не сложно, но иногда жалко расстраивать. Иллюзии хрупки и не всегда вредны.

Генерал пятой армии Наилий Орхитус Лар был уверен, что среди его офицеров есть предатель. Он пришел ко мне две недели назад и попросил узнать, кто именно. Я выкатила глаза и пролепетала, что не могу вот так, никого не видя. Я в центре, офицеры на службе, как? Тогда я и увидела впервые, как Его Превосходство думает. Незабываемое зрелище. Генерал откинулся на спинку кресла и замер. Мимика застыла, взгляд погас, даже сердце стало биться медленнее. Я удивилась и сдуру нырнула в него. Несуществующие боги! Свети-

ло, утонувшее в холодной воде океана. Под зеркальной гладью, вздрагивающей рябью от легкого ветерка, огромный огненный шар тяжело ворочался и вспыхивал протуберанцами. А снаружи казалось, что еле видимый свет как от свечи горел где-то в глубине.

Наилий сказал, что перенесет осенний бал на весну, и там я увижу все командование пятой армии в одном зале. Я лишилась дара речи. До сих пор не понимаю, как согласилась. Теперь бумаги не хватит всех нарисовать. А главное, я сама никак не могу понять, кто же предатель. Юрао выдыхается через час, а у меня голова болит, и в сон тянет. Три исписанных листа и куча висящих в воздухе связей. Что я буду рассказывать Его Превосходству?

– Дэлия.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь на звук голоса. Генерал в черном форменном комбинезоне сидит на подоконнике в открытом окне и улыбается. За его спиной светлеет горизонт, утро приходит в мою палату. Я встаю из кресла и расцветаю ответной улыбкой.

– Ваше Превосходство, – чуть наклоняю голову, произносятся приветствие, и полководец становится серьезным.

– Куда делся Наилий?

Называть генерала по имени дозволено лишь ближнему кругу. Всех, кто в него входит, по пальцам можно пересчитать. Там нет ни одной женщины, конечно же. На официальных мероприятиях даже близкие зовут одного из двенадцати

правителей планеты Ваше Превосходство. А сам генерал ко всем обращается как ему хочется. Я не знала таких нюансов, когда мы познакомились. Он меня называл Дэлия, я его – Наилий. Потом перед самым балом мне объяснили, что так нельзя.

– Это не очень удобно, – запинаясь, произношу я и опускаю глаза.

– Глупости, – полководец подходит и берет моё лицо в ладони. – Мне нравится слышать от тебя своё имя.

От генерала пахнет яблочным мылом из душевой, будто он никуда не улетал. Даже от мимолетного поцелуя становится жарко. Я злюсь на себя за то, что рядом с Наилием больше ни о чем и ни о ком, кроме него, думать не могу. А генерал может.

– Нарисовала что-нибудь?

– Да, – я освобождаюсь из объятий, беру со стола испитые листы и отдаю их полководцу.

– Быстро.

– Здесь не все.

– У тебя неделя, я же говорил.

Наилий хмурится на цветные росчерки и каракули. Почти не глядя, опускается в кресло и вдумчиво изучает листы.

– Иди ко мне, садись, – полководец разводит руки в стороны и показывает мне глазами на колени, – без твоих пояснений никак.

Я замираю в нерешительности. Черный военный ком-

бинезон цзы'дарийцев обшит карманами так, что свободна только спина. Не дотянуться до неё. А штанины брюк, перед и рукава покрыты карманами всевозможных форм и размеров.

Чего в них только нет. Бытовые мелочи, цифровые гаджеты, сухпаек, медикаменты, нож, тонкие метательные лезвия, крошечный бластер. Среди женщин ходят байки о самых неожиданных предметах, которые мужчина может достать из комбинезона. А ведь есть и потайные карманы, и секретные закладки. Страшно представить, сколько все это весит и удобно ли так ходить. Генерал явно упакован в дорогу, да еще и складной боевой посох прицеплен к белому ремню. Подозреваю, что сидеть буду как на крупном гравии и раздавлю что-нибудь ненароком.

Понимает моё замешательство Наилий верно. Снимет с пояса оружие и кладет на стол.

Рядом с посохом появляются два планшета и беспроводная гарнитура.

– Теперь жестко не будет, садись.

Я устраиваюсь у генерала на коленях и начинаю объяснять, водя пальцем по листочку. Про цвета и толщину привязок уже рассказывала, Наилий знает, а вот чтобы толковать схему и делать по ней выводы, нужен опыт. В целом обычные у офицеров отношения без перегибов и крайностей. Дружат, ненавидят как все. Смерти желают, не без этого, но черные привязки тонкие, не императивные. На уровне «да чтоб ты

сдох!».

– Ты вопросы поставила, имен не помнишь?

– Да, – отвечаю и смущенно краснею, – так много...

– Один планшет я для тебя принес, – говорит Наилий и откладывает девайс в сторону. – Попросил медийщиков записать файлы с видеосъемкой бала. Надеюсь, это поможет.

– Конечно, – радостно улыбаюсь я, – спасибо!

– Не за что.

Генерал трет пальцем переносицу и задает главный вопрос:

– И кто же предатель?

Я боялась услышать это с тех пор, как взялась за работу. Нет у меня ответа. Слишком много «если» и «может быть» в выводах по схеме. Некоторые кажутся изрядно притянутыми за уши. А ведь речь идет о судьбе цзы'дарийца. Наказание за предательство – смертная казнь. Я не имею права на ошибку. Да, будет расследование, будет суд, невиновного не казнят, но все равно. Не в игрушки играю.

– Я понимаю, что ты не закончила, – помогает генерал, – но, может быть, сейчас уже что-то видно? Хотя бы на уровне подозрений. Кто?

– Я не знаю – вздыхаю и качаю головой.

Полководец поджимает губы. На лбу и переносице залегают глубокие морщины. Он долго молчит, а потом произносит:

– Вот и я не знаю. Кто предатель? Он один или их несколь-

ко? Есть ли они вообще? Ни мотивов, ни подозрений, ни зацепок. Только мерзкое такое ощущение с привкусом на нёбе, будто пакость вокруг меня затевается. Понимаешь?

– Да, – киваю я, – всплеск интуиции.

– Паранойя, – поправляет генерал, – а я не хочу ставить на уши службу безопасности приказом найти того, не знаю кого, который замышляет то, не знаю что.

– Я дорисую схему, – твердо говорю я, – тогда картина станет яснее.

Полководец кивает в ответ, и мы оба молчим. Я думаю, что он снова ушел в себя и сижу тихо, но Наилий вдруг обнимает за талию и прижимает крепче.

– Гней Ром ловеласом оказался, не знал, – усмехается генерал.

– Да, много на нем зеленых привязок, и почти все реализованные.

Наилий забирается мне под рубашку и кладет руку на грудь. Листы со схемой падают на пол и разлетаются по палате. А у меня опять путаются мысли.

– Как заумно ты называешь простые вещи, – тихо говорит генерал.

– Я мудрец и умею усложнять себе жизнь.

Разворачиваюсь к нему, закидывая ноги на подлокотник кресла, но даже поцеловать не успеваю. Противно пищит гарнитура на столе. Наилий шумно выдыхает, наклоняется через меня и цепляет гарнитуру пальцами. Вешает гибкую

дужку на ухо, жмет на кнопку и говорит в микрофон.

– Слушаю. В дороге я. На космодроме доложишь. Все? Отбой.

Я почти радуюсь, что не успела. Начни мы раздеваться, и успокоиться потом было бы сложнее. Наилий нервно ерошит волосы и говорит:

– Не дадут. Замучают звонками. Слишком мало времени, извини.

– Да, конечно.

Стараюсь не вздыхать и не дуть обиженно губы. Встаю с его колен и собираю упавшие листы. Наилий тоже поднимается и цепляет боевой посох обратно на пояс. Я ненавижу прощания, в них всегда есть что-то неловкое. В том, как он обнимает, целует торопливо в висок и снова обещает вернуться через неделю. Я вдыхаю аромат эдельвейса и понимаю, что на этот раз не верю. Нет, профессиональное распознавание лжи тут ни при чем. Не дано мне. Паранойя генерала заразительна, и теперь мне тоже кажется, что ему угрожает опасность.

Парадокс. Наша планета – одна большая военная часть. Наши мужчины – профессиональные наемники и воюют почти на всех планетах исследованной галактики. Наилий улетает в командировку сражаться, а не поболтать на каком-нибудь Совете. Он постоянно в опасности, это часть его жизни. Умом понимаю, но не могу отпустить. Хочу вцепиться в плечи, затолкать в ванную, закрыть там и не выпускать, по-

ка транспортник не стартует с космодрома без него. Глупо. Провожая до окна, смотрю, как генерал садится в катер и серебристое чудо инженерной мысли, подмигнув мне фарами, резко взлетает вверх.

«Хороший мужчина. Вкусный», – встречается в мысли Юрао.

«Мы договорились, что ты будешь жрать только меня».

«Вы очень тесно переплетены. Извини, не умею отделять в морсе ягоды от воды».

«С чего вдруг?»

«С чего не умею?»

«Почему переплетены?»

Юрао молчит и вместо вербальной информации посылает зрительный образ. Наш с Наилием поцелуй у кровати. Но генерал не в парадке, а в комбинезоне. Я веду себя крайне бесстыдно. Снимаю белый ремень, расстегиваю молнию до конца. Запускаю руку под складки ткани и вынимаю генеральский...

«Все, хватит! Я поняла. Давай работать!».

Но вернуться к схеме не дает дрон-уборщик. Пластина в нижней части двери качается, и с раздражающим попискиванием в палату вкатывается дрон с контейнером на корпусе. Я привычно ловлю свой завтрак и ставлю на стол. В контейнере порция пшеничной каши, разогретая и упакованная в мисочку из фольги. Рядом с ней пакетик с сухим концентратом витаминов и минеральных веществ, щедро сдобренных

сахаром и лимонной кислотой. Рацион питания у нас как у военных. А идея подавать завтрак на корпусе уборщика родилась в светлой голове старшего санитаря. Почему меня не наказали за нарушение режима? Кухня еще не в курсе? Хотя не все ли мне равно. После Шуи аппетит зверский. Даже каша кажется изысканным деликатесом, а разведенный в стакане воды концентрат я выпиваю залпом.

Уборщик деловито ползет по полу, оставляя за собой влажный след. Смех разбирает, как подумаю, что дважды в день весь больничный блок вылизывают огромным языком десятки маленьких круглых дронов. И все, от пациентов до главного врача, сидят в креслах, поджав ноги, и нервно считают минуты до окончания уборки. Я успеваю позавтракать и вернуть пустой контейнер на корпус, когда, дважды моргнув лампочками на прощание, дрон укатывается.

Юрао напоминает о себе, и я беру планшет. Файлы видеозаписей бала выведены на главный виджет. Открываю их по очереди и просматриваю. Дрожь берет, когда вижу себя в красивом платье с прической и на каблуках. Скованная и потерянная, с вымученной улыбкой и пустым взглядом. Тяжело поддерживать светскую беседу и одновременно ковыряться в душах у собеседников. Меня сочли ненормальной, даже не зная, что так и есть на самом деле.

Кладу планшет на стол и нервно покусываю согнутый указательный палец. Боль и обида топят с головой. Всегда считала свою броню достаточно толстой, чтобы не обращать вни-

мания на мнение окружающих, а теперь гадко от того, как сильно на них не похожа. На шестнадцатом цикле мой мир изменился, и никогда не станет прежним. Отныне и навсегда моё место взаперти в таких центрах и больницах.

Вздыхаю и обхватываю голову руками. Гоню депрессию, напевая под нос веселую детскую считалку. Так напеваю, что охота разрыдаться. Я не нужна, как цзы'дарийка, и бесполезна, как мудрец. Что я могла упустить и не увидеть? Все офицеры, начиная с капитанов, все связи, какие могут быть. Смотрела даже «сюзерен-вассал», хотя она по умолчанию должна замыкаться на Наилии. Его армия, его офицеры.

Настойчивый стук в дверь заставляет меня убрать руки от лица.

– Мотылек!

Децим. Старший санитар. Ох, сейчас упомянутый Мотылек так получит по усикам, что крылышек не останется.

– Ты одета?

– Да, лейтенант Вар, входите.

Старший санитар за дверью прикладывает палец к считывателю на электронном замке и переступает порог. Белый халат наспех накинут поверх военного комбинезона, волосы взъерошены, глаза горят. Я инстинктивно втягиваю голову в плечи и смотрю на него исподлобья.

– Ты почему не в общей комнате? – грозно спрашивает

Децим. – По расписанию просмотр утренних новостей.

– Я же наказана...

– Кто тебе сказал?

Мой надзиратель поджимает губы и морщит нос. Явный признак плохо сдерживаемой ярости, но я по привычке нырью посмотреть привязки. «Сюзерен-вассал» напитана больше обычного, а зеленая с его постоянной женщиной потускнела. Фигурально выражаясь, в последние несколько часов не Децим имел близость, а его имело начальство. Ох, пора бежать.

– Мотылек, не беси меня!

Я подскакиваю, роняя планшет с колен на пол. Лейтенант Вар видит запрещенный девайс и раздувает ноздри. Сейчас закипит. Когда я пытаюсь проскочить мимо него, хватает за руку и говорит, глядя в глаза:

– Не могла предупредить? Я вчера идиотом выглядел. Не нашел тебя в палате и объявил общую тревогу.

– Прошу меня простить, лейтенант Вар, – смиренно отвечаю я.

Он со свистом втягивает воздух сквозь сжатые зубы и отпускает меня.

– Иди в общую комнату. Живо!

Я наклоняю голову и ускользаю через открытую дверь.

Глава 3. Узники закрытого военного центра

Планшет теперь придется везде таскать с собой и прятать чуть ли не в белье. В отличие от военного комбинезона на больничной униформе совсем нет карманов. Я иду по коридору до общей комнаты. Оттуда уже раздается громкий голос диктора новостей, рассказывающего об очередных совместных учениях. На этот раз третья цзы'дарийская армия оттачивает наступательное и оборонительное мастерство в гостях у четвертой армии. Планета условно поделена на двенадцать независимых секторов. Мы живем в пятом. Каждый сектор и каждая армия находятся под командованием генерала. Все вместе они образуют Совет, на котором и принимаются важнейшие решения. Чтобы стать генералом, нужно убить своего предшественника в поединке на боевых посохах. Дабы понять, насколько это непросто, достаточно сказать, что Наилий стал генералом на тридцать четвертом цикле и до сих пор не проиграл ни одного поединка. Лучший из лучших. Легенда.

– Да, учения, как же, – насмешливо произносит Конспиролог. Низкорослый даже по меркам цзы'дарийцев и увечный. Пытался застрелиться. Поставил дуло пистолета под

подбородок и спустил курок. Снес выстрелом половину лица, но остался жив. Теперь живет в центре и занимается тем, что разоблачает глобальные заговоры генералов, просматривая новости. Безобидное в целом увлечение, если не знать о том, что Конспиролог мудрец. А потому все, абсолютно все, его прозрения, тонкие замечания и выявленные закономерности оказываются верны. Чуйка у него фантастическая на подлоги и обман. Замечает любой фото– и видеомонтаж, аргументированно доказывает и делает верные выводы. Мелковат, правда, улов. Обычно попадают по глупости сами телевизионщики, которые, не успев отснять с природы, берут старые записи и закрывают ими дыры, а то и вовсе впопыхах лепят фальшивку, надеясь, что всем всё равно. Но даже при мне Конспирологу дважды удалось вскрыть действительно важный и тщательно выстроенный обман.

– Чем бы ни тешились, лишь бы конец мира приближали, – со вздохом отвечает ему Создатель и коротко кивает, приветствуя меня. Я сажусь в одно из кресел и отворачиваюсь от телевизора. Сейчас опять начнется разговор на любимую тему. Что система, выстроенная на планете, в корне не верна, давно пошла вразнос и вот-вот рухнет. Тогда падет правление двенадцати генералов, умрет старый мир, и в момент апокалипсиса в точке бифуркации родится новый мир. Чистый и непорочный, освещенный ярким светом Новой Великой Идеи, и править им будут мудрецы. А конкретно Создатель.

Не в этом суть его теории социогенеза, но главный вывод и основная надежда. Благодаря теории мы из закрытых психиатрических клиник перекочевали в центр. Создатель поделил население планеты на четыре категории и назвал ремесленниками, звездами, правителями и мудрецами.

Чем старше и опытнее душа, чем больше смертей и новых рождений ей удалось пережить, тем дальше цзы'дари-ец на этой линейке. Ремесленники заняты физическим трудом, они прилежны и тупы, как вьючные животные, и столь же ограничены в амбициях. Звезды или торговцы пытаются выжать из жизни максимум, выразить себя наиболее оригинальным образом и отличаться от стада тупых и прилежных. Над теми и другими стоят правители. У нас это военные, вернее офицеры и, конечно же, генералы. Правители строят системы и эффективно ими управляют. Армия – система, центр – система, семья – система. И мудрецам нет в ней места. Пока над миром стоят правители, наш удел – койка в палате больницы для умалишенных.

Мы для правителей – ресурс. Станный, необычный, непредсказуемый, но ценный. Теория Создателя – военная тайна, существование нас тоже. Мы как лабораторные мыши круглые сутки под наблюдением. Все мысли и разговоры под запись, все наши выводы и открытия – в отчеты. На отчетах грифы «секретно» и «совершенно секретно». И никто никогда не даст нам вырваться на свободу. А даже если сбежим сами, то кто поверит шизофреникам, параноикам,

маниакально-депрессивным личностям, склонным к суициду и одержимым манией величия? Ни один правитель никогда добровольно не отдаст свою власть. И мы это прекрасно знаем.

– Да не будет конца света в ближайшее время, – с кислой миной заявляет Конспиролог, – а если будет, то без Великой Идеи мир скатится в анархию, потеряет от шестидесяти до восьмидесяти процентов населения, а горстки выживших образуют множество мелких, не связанных между собой общин. И будут отчаянно мародерствовать.

– Либо же наша мировая казарма окончательно скатится в идиотизм и деспотизм, – подхватывает Создатель. – Что скажешь, Мотылек?

Приплели все-таки. Я оборачиваюсь на двух скучающих цы'дарийцев и нехотя включаюсь. В сотый раз ведем один и тот же разговор, а результата нет. Переливание Шуи из одного пустого стакана в другой.

– Мне ближе казарма и деспотизм, – отвечаю я, – там хотя бы жертв меньше. Всего лишь сорок процентов населения.

– Уймитесь, циники и живодеры, – подает голос хмурый Маятник. – Анархия, деспотизм. Деспотизм, анархия. Устроили угадай-ку.

– Так ты просвети нас, как оно будет на самом деле, – с лукавой улыбкой говорит Создатель.

– Мне ваша мелкая возня не интересна, – поджимает тонкие губы Маятник и чешет кончиком пальца длинный ост-

рый нос, – одни марионетки не самого высокого уровня заменят других марионеток. Вселенная даже не заметит.

– А ты спроси, вдруг ей тоже интересно. Доставай свой маятник и покачай его немного.

– Катись в бездну, Создатель, – нервно дергается Маятник, – лень мне.

Уникальная личность. Работает с восковым маятником на тонком шнуре. Ставит руку на локоть над столом и задает вопросы, а ему отвечают. Маятник на пальце качается либо вертикально, что означает «да», либо горизонтально, что означает «нет». Если иметь столько свободного времени, сколько у нас есть в психиатрической клинике, и феноменальное терпение, то можно докопаться до устройства Вселенной.

В отличие от жадного и скрытного Создателя, который свою теорию социогенеза ужал до десяти листов тезисов, Маятник всю полученную информацию записывает охотно и подробно. В итоге многотомный труд, который прочитать можно, а осознать нельзя. То ли не доросли мы еще интеллектуально, то ли Маятник не способен внятно изложить свои мысли. Я, сколько раз ни начинала читать, бесполезно. Не заходит в сознание, хоть что делай. Один Создатель делает вид, что ему все понятно, а остальные так же честно, как я, в ужасе качают головами.

Под ленивую перебранку в общей комнате появляется Поэтесса. Тонкая и хрупкая, будто воздушная, с огромными

глазами невероятного для цыг'дарийцев зеленого цвета и копной мелких тугих кудряшек. Грациозно приземляется в кресло рядом со мной и заговорщически шепчет, протягивая мне листок бумаги.

– Дорогая, кажется, это про тебя.

Если Маятник снимает информацию из сверхсознания вопросами, то Поэтессе она приходит сама и в стихах. События прошлого, настоящего и будущего ложатся в рифмованные строчки. Я пробегаю глазами первые из них:

*Жарким телом ночь накроет,
Пьет дыханье, сердцем ноет.
Отдалась, утратив разум.
Подарила всё и сразу.*

Переворачиваю на коленях листок и прикусываю согнутый указательный палец. Щеки пылают, уши горят. Поэтесса ласково гладит по плечу:

– Хорошо хоть было?

Киваю, не в силах поднять на неё глаза. Эти строчки, так же, как и все другие, лягут в пухлую папку под гриф «секретно». Военным плевать на художественную ценность стихов, они пытаются расшифровать послания. Слишком часто угадывает Поэтесса будущее. А на такие воспоминания о чужой жизни лейтенанты и капитаны просто не обращают внимание. Хотя, если поймут, с кем я была, могут заинтересо-

ваться.

– Спасибо, что без имен, – говорю я.

– Там еще есть. Тоже про тебя, – говорит Поэтесса, показывая глазами на листок. Её улыбка меркнет, а мне становится зябко и неудобно. Ненавижу плохие предсказания:

Серебристой птицы танец оборвется на рассвете.

Шар пылающий настигнет и загубит жизнь в расцвете.

Поспеши, надежды мало. Все решает миг последний.

Кто рукою твердой правит, тот исчезнет вмиг бесследно.

– Когда написала? – холодея, спросила я.

– Часа четыре назад, а что?

– Проклятье...

Серебристая птица – воздушный катер, единственный в городе. Рассвело до того, как он улетел, но к таким мелочам можно не придирааться. Я в панике вскакиваю на ноги, не зная, куда себя деть. Мужчины оборачиваются на нас, как по команде.

– Что случилось, Мотылек?

Слова застревают в горле, и тогда Поэтесса ровным спокойным голосом отвечает вместо меня:

– Катер генерала ракетой сбили.

Я жду тишины, сочувствия или хотя бы удивленного «не может быть», но слышу пустой и безразличный голос Маят-

ника:

– Да, я видел. У меня окна на север выходят. Он стартовал резко и еще высоты не набрал, как с земли по нему из ПЗРК отработали. Переносной зенитный ракетный комплекс, если ты не в курсе.

Перевожу взгляд с одного мудреца на другого. Все бывшие военные, всё понимают и спокойные как после убойной дозы транквилизатора. Их фигуры расплываются перед глазами в мутные белесые пятна. Дрожь рождается где-то в животе и растекается по телу. Приступ уже в пути, пора встречать.

– Судя по траектории, катер упал за лесом на пустыре, – продолжает Маятник, добивая меня, – дым от обломков и сейчас видно.

Выдержка летит в бездну, я срываюсь и бегу в свою палату.

– Куда?

– Держи её!

Слова не успевают меня догнать, зато успевает Создатель. Хватает в охапку у самого карцера. Уже задыхаюсь, и зубы стучат.

– Мотылек, ты сдурела? – жаркий шепот в самое ухо. – Сколько я тебя просил не бегать под камерами? Сейчас здесь все санитары будут. Дверь открывай!

Прикладываю трясущуюся руку к пластине замка и слышу щелчок. Заходим в карцер вдвоем, и Создатель усаживает

меня на кровать.

– Живой он, поверь мне, – говорит, глядя в глаза, и крепко держит за подбородок, – ты же смотрела новости, там о природе и погоде. Если бы умер генерал, вой бы уже стоял до небес. Без поединка, без приемника, да дележку власти уже бы сейчас начали.

Сознание бьется в истерике. Полыхает пламя, дымятся обломки, горло перехватывает едким запахом гари. А если еще не знают? А если дали приказ молчать?

– А если он все еще там?

– Нет, – спокойно и твердо говорит Создатель, – слишком ярко вспыхнул, весь центр видел. Давно уже нашли. Живого, повторяю тебе. А теперь дыши и считай.

Разжимаю кулаки и укладываю ладони на колени. Пятьдесят один. Диафрагма плавно перетекает вдохом вверх и выдохом вниз. Пятьдесят два. Пульс падает с высокого до нормального. Пятьдесят три.

Дверь распахивается, и в палату входит сначала Децим, а за ним мой лечащий врач Луций.

– Что случилось?

– Ничего, – спокойно улыбается Создатель, – просто разговариваем.

– Посторонний на выход. В общую комнату, – командует старший санитар.

Создатель уходит, не оглядываясь, а я дышу и считаю. Да, не такой я эмоциональный труп, как другие мудрецы на тре-

тьем этаже. Потому что единичка, а Создатель, Маятник, Конспиролог и Поэтесса – двойки. Зрелые, устоявшиеся, с крепким даром и четко определенными способностями. Холодные, рассудочные, выдержанные. Я тоже буду такой, когда вырасту. Слишком молода сейчас. Мудрецы складываются к сороковому циклу, а я отсчитываю свой двадцать второй. Мало знаю и еще меньше умею. Порхаю, как мотылек, от одной способности к другой, то эмоции считываю, то привязки разглядываю, то информацию текстом из сверхсознания пытаюсь добыть. Везде по верхам и по чуть-чуть. Легкая и непостоянная.

– Мотылек, давай транквилизатор поставим, – ласково говорит Луций, – отдохнешь, поспишь.

– Нет, – упрямо мотаю головой, – не нужно. Я держу себя. Психиатр показывает Дециму глазами на дверь и садится рядом со мной на кровать.

– Мне нечем тебя успокоить, – говорит Луций, когда старший санитар исчезает из карцера, – я знаю не больше, чем Маятник. Ожидание новостей может затянуться. А это лишние волнения. Я не хочу сажать тебя на препараты и привязывать на ночь к кровати. Поэтому давай мы задушим приступ паники в зародыше.

– Уже задушила, – отвечаю тихо, – не надо транквилизатор. Я работать не смогу.

Луций внимательно на меня смотрит. Жалеет, наверное, что сам не мудрец и не видит, вру я или нет, действительно

ли спокойна или ловко маскируюсь. Меня поселили на третий этаж к двойкам за хорошее поведение. Ни одного срыва за полцикла, я безмерно этим гордилась.

– Закрой глаза, – просит Луций.

Я послушно опускаю веки. Тремора нет, знаю.

– Вытяни вперед руки.

Выставляю руки перед собой и растопыриваю пальцы. Не дрожат, вижу.

– Хорошо, – кивает психиатр, – но если не сможешь заснуть, то приходи. Я дежурю сегодня.

– Спасибо, лейтенант Квинт.

Он снова кивает и уходит, а мне стыдно за то, что собираюсь сделать. В потайном кармане, пришитом к подолу бального платья, лежит тонкая пластиковая карта. Мастер-ключ, открывающий все двери служебных помещений центра. Наилей вручил за день до бала. Именно так я вчера к нему и сбежала. Ни один транквилизатор не успокоит меня. Я должна увидеть обломки катера. Идти придется, в чем есть, а потом долго отмывать больничные тапочки от уличной грязи. Вот так, забивая голову мелкими бытовыми проблемами, я с выражением ледяного спокойствия на лице выхожу в коридор.

– Далеко собралась?

Создатель стоит под дверью, опираясь плечом о стену и сложив руки на груди. В этом центре хоть что-нибудь можно сделать незаметно?

– К Луцию поговорить, – холодно отвечаю я.

Создатель приподнимает бровь и удовлетворенно кивает.

– Я с тобой. Нам по пути.

Нет, но спорить с Создателем можно часами, поэтому я безразлично пожимаю плечами и шагаю по коридору. По дороге придумаю, как избавиться от опеки. Главное – уйти из-под камер. Система видеонаблюдения центра охватывает почти все коридоры, кабинеты врачей, общие комнаты и палаты для буйных. В карцере у меня тоже висела камера, два дня назад сняли. Больше двадцати источников изображения, за которыми надо следить. А лейтенант в будке охраны всего один. И напрягать его просмотром еще и внутренних служебных помещений нет смысла.

– Создатель, я дальше сама – говорю, останавливаясь у двери, ведущей на лестницу для персонала, – не надо тебе в карцер из-за меня.

Здесь слепая зона, можно не чесать нос, прикрывая рот во время разговора, а микрофоны у соседних камер слабые.

– Почему? – удивляется Создатель. – Туалет, душ, рабочее место. Не сильно-то генерал скрывал симпатию к тебе. Пустой, как барабан, карцер в люкс превратили, бал с осени на весну перенесли, на свидание на катере через окно. Романтика. Будь я женщиной, тоже бы дал.

Я еще и не такое от него слышала, поэтому желания обидеться не возникает. Молчу, сжимаю в кулаке мастер-ключ и думаю над ответом.

– Мотылек, секс такой же инструмент контроля, как и остальные, – продолжает Создатель. – И правители используют его на полную мощность.

– Поговорить хочешь, – догадываюсь я, – тогда идем.

Прикладываю карточку к замку и открываю дверь, напоминая на всякий случай, что овощами под препаратами оба лежать будем. Слышу в ответ, что не в первый раз, и спускаюсь по лестнице.

Выныриваем мы наружу из-под полуприкрытых грузовых ворот. Камера здесь была, но уже неделю в ремонте. Струйка дыма из-за леса реальна, и от этого хочется бежать быстрее. Создатель, видя моё настроение, ускоряет шаг, но разговор продолжает с того же места.

– Я не против подарков и привилегий, это приятно и полезно. Но подумай, чем тебе придется за них расплачиваться.

Товарно-денежные отношения меня бесят больше всего.

– А если ничем? А если просто так? Иногда симпатия – всего лишь симпатия.

– Мотылек, извини меня, конечно, но ты не в его вкусе, – отвечает Создатель, размеренно вышагивая по стриженному газону. – Маленькая, невзрачная, с проблемами. Генералу нужно статус свой поддерживать. А для этого рядом должны быть только лучшие женщины. Признанные красавицы и умницы. Это не про тебя.

Конечно, я – моль. Прекрасно знаю об этом, и снова оби-

жаться не на что. Хотя на этот раз оставаться равнодушной сложнее. Задевает, правда, что-то внутри. Больно. Создатель видит, как я складываю руки на груди, и дергает, расцепляя замок.

– Ты губу не дуй, ты подумай. Если генерал с тобой, то только потому, что считает ценной. Невероятно ценной.

А вот теперь смешно. Всерьез и по-настоящему.

– Бред, – заявляю уверенно, – в моей медкарте много диагнозов, но мании величия среди них нет. По сравнению с тобой и тем же Маятником я никто, пустое место. Глупая, молодая, бесполезная. Да еще и женщина. Не ты ли всегда говорил, что курица не птица, баба – не мудрец?

Создатель широко улыбается и обнимает меня за плечи.

– Мотылек, правителей всегда интересует конечный результат, но кроме него еще и потенциал, перспектива. Ты будущая двойка. Хорошая, крепкая двойка.

– Нет.

– Не перебивай, – хмурится Создатель, – объясню. Представь, что ты кузнец. Очень хороший кузнец, самый лучший, умелый, искусный. Кузнец-гений. Но ты об этом не знаешь. Никогда не заходила в кузницу, не видела наковальни, не держала в руках молот.

Неожиданная метафора, но понятная. Я обдумываю её некоторое время, пока мы заходим в лесок и продолжаем идти на запах гари. Если катер упал за забором центра, то посмотреть на него я смогу лишь издали.

– И какой прок с такого кузнеца? – спрашиваю я, продолжая разговор.

– А такой, что однажды ты пройдешь мимо кузницы и якобы случайно заглянешь внутрь. Генерал тоже не знает, что ты кузнец, но чувствует вот тут, – Создатель кладет ладонь себе на грудь, – потому что правитель. И то, что мудрец должен осмыслить, обдумать, проанализировать и доказать, он просто знает. Во всем, что касается чутья на полезных и уникальных подчиненных, правителям нет равных. Теперь понятно?

Допустим, через цикл или два откроются таланты, о которых я сейчас даже не подозреваю, и мне будет выставлен счет за полученные ранее авансы. Похоже на правду. Логично, разумно, цинично. Но все равно что-то в такой картине мира мне кажется глобально неправильным.

Мы умолкаем оба, потому что за расступившимися деревьями открывается пустырь и покореженный остов катера, а вокруг ни души.

– Нас здесь не обнаружат прибывшие на место крушения специалисты? – скороговоркой шепчу я.

– От взрыва не меньше двух часов прошло, уже все сфотографировали, заказали грузовик под обломки и разбежались. Праздных зевак среди военных нет. Пусто должно быть, но спешить надо.

– Значит, труп уже увезли?

– Если угловой шлифовальной машиной вырезали, то

увезли, – Создатель отпускает мои плечи и ускоряет шаг. – Стой, сначала я.

Подчиняюсь с удовольствием, ноги подкашиваются. Почему я не затолкала Наилия в ванну? Почему не услышала взрыв и ничего не почувствовала? Да, я не предсказатель, но толстенная привязка обязана была дать отголосок.

– Катапультировался он, – радостно кричит Создатель, – иди сюда.

Со вздохом облегчения я срываюсь с места и в дыму чуть не налетаю на торчащий кусок обшивки.

– Кресла нет, видишь?

Создатель тыкает пальцем в какую-то кашу из металла и обгоревшей электроники. Я с трудом узнаю салон катера.

– Выгореть дотла обитый кожей ложемент не мог. Вырвать его отсюда тоже было сложно. Следов резки УШМ я не вижу. Мертвый он бы на кнопку не нажал. Тебе достаточно доказательств?

Я радостно киваю и бросаюсь к Создателю обниматься. Смачно целую куда-то в ухо и вдруг слышу деликатное покашливание за спиной. В неоднозначной позе нас застает высокий цзы'дариец в черном военном комбинезоне. Не видела его среди охраны центра.

– Дэлия, если я не ошибаюсь?

Создатель резко задвигает меня за спину и хмуро интересуется.

– А вы кто будете?

Незнакомец рассматривает нас с интересом. Конечно, два цы'дарийца в белых больничных одеждах и комнатных тапочках посреди пустыря и обломков сбитого ракетой катера.

– Лейтенант Флавий Прим, либрарий Его Превосходства. Знать бы еще, кто такой либрарий.

– Вы же должны сидеть в приемной у генерала, лейтенант Прим, а не по пустырям шляться, – недобро говорит Создатель.

– А вы должны быть в палате под присмотром медиков, – парирует Флавий и достает из кармана гарнитуру, – но мне не до вас. Приказ доставить на точку касается только дариссы Дэлии.

Либрарий вооружен бластером. Малошумное, эффективное оружие. Даже если мы сорвемся в бег, уложит выстрелом в спину.

– Объект Создатель у меня, координаты передам, – говорит Флавий в гарнитуру, – заберите его, я спешу. Хорошо. Отбой.

Я испуганно выглядываю из-за широкого мужского плеча и не могу понять, что происходит, когда со стороны центра раздается очередь выстрелов из огнестрельного оружия. Охрана.

– Спокойно, – либрарий снимает с пояса бластер и наставляет на нас, – все под контролем. Дарисса, идите ко мне.

Создатель делает два шага назад, оттесняя меня к обломкам. Я, кажется, улавливаю мысль, но не собираюсь бежать,

оставляя его под выстрелами. Со стороны центра еще одна очередь.

– Времени нет, – с нажимом говорит Флавий, – дарисса, Его Превосходство просил передать, что мерзкое ощущение на небе оправдалось и пакость удалась.

– Пароль? – оборачивается ко мне Создатель.

– Почти, – киваю я, – знакомая фраза.

– Тогда иди.

– А ты?

– А я тоже читаю предсказания Поэтессы. Все правильно, Мотылек. Так и должно быть.

Не нравится мне его грустная улыбка, и выстрелы не нравятся, и Флавий тоже, но Создатель с силой толкает меня вперед, а либрарий хватается за руку и тянет к себе.

– Прошу меня простить, дарисса, не до нежностей. Мастер-ключ верните.

Подтверждает еще раз, что приказ забрать меня Наилий отдавал лично. Протягиваю мастер-ключ, Флавий ловко его выхватывает и тут же ломает в кулаке, выбрасывая две половинки в траву. Тянет за собой, не давая опомниться, бормочет про автомобиль в кустах, а я смотрю на Создателя. Во что я его втянула? Под какие неприятности подставила? Голова кругом, мысли вразлет, либрарий толкает в открытую дверь черного военного внедорожника и шипит в спину:

– На заднем сидении сумка с вещами, переоденьтесь. Я буду смотреть на дорогу, а не на вас. Учтите, через пять ми-

нут вы должны быть в гражданском, иначе мы не покинем территорию центра.

Последнее слово вспышкой прокатывается по сознанию, рождая вопрос.

– Лейтенант Прим, а как вы меня нашли? Я ведь должна была сидеть в карцере, почему вы пришли на пустырь?

Флавий забирается на водительское сидение рядом со мной, хлопает дверью и заводит двигатель.

– В мастер-ключе был радиомаяк, дарисса.

Глава 4. Либрарий Его Превосходства

Флавий ведет машину молча, а отпущенные мне на переодевание минуты проходят. Я тянусь за сумкой и нахожу в ней темно-синее шерстяное платье длиной чуть ниже колен с рукавами в три четверти и воротником-стойкой. Карманы, хвала несуществующим богам, есть. Вытряхиваю под ноги туфли на плоской подошве, и чуть было не роняю туда же кружевное черное белье и заколку для волос.

Мучаюсь в догадках, кто собирал подарок. Генерала я за этим занятием не представляю, уж не сам ли Флавий? Интересные обязанности у либрария. Лейтенант смотрит на дорожку, как обещал, и торопит меня. Проявляю чудеса изобретательности, чувствую себя акробатом, но переодеваюсь так, чтобы как можно меньше обнажаться. Из кружевного гарнитура надеваю только верх, а низ аккуратно прячу в карман платья вместе с планшетом.

Успеваю до того, как Флавий подъезжает к воротам центра. Останавливается, достает из кармана две пластиковые карты и ждет. Шлагбаум опущен, и будка охранника пуста. Я решаюсь заговорить.

– Выстрелы...

– Все под контролем, дарисса, – обрывает Флавий и резко давит на газ. Машина срывается с места и сносит шлагбаум.

Я даже вскрикнуть не успеваю. Если охрана центра среди бела дня от кого-то ожесточенно отстреливается, то какой может быть контроль? Учений у нас отродясь не было. Стрелка на спидометре все сильнее отклоняется вправо. Двигатель ревет так, будто мы сейчас взлетим. Вспоминая о том, как пилотировал катер Наилей, я хватаю пряжку ремня безопасности и пристегиваюсь. На ровном полотне дороги почти не трясет, только мельтешащие в глазах деревья лесополосы дают понять, насколько быстро мы едем. Отвлекать на такой скорости Флавия расспросами не очень разумно, но я все же решаюсь.

– Лейтенант Прим, а как здоровье Его Превосходства?

– Его Превосходство в командировке, – сдержанно отвечает либрарий.

– А куда мы едем?

– На точку.

– Кто напал на центр?

Флавий бросает на меня быстрый взгляд и после паузы отвечает.

– Не знаю.

Немногословность лейтенанта и не должна удивлять, но ощущение, что меня держат в информационном голоде, не проходит. Беспокойство за Создателя и оставшихся в центре мудрецов противно крутит живот. Кому могла помешать

горстка психов? Или, наоборот, понадобится? Еще и радиомаяк в мастер-ключе не дает покоя. Меня поместили, как лабораторную морскую свинку. Дали возможность уйти в любой момент, но оставили на поводке. А я умудрилась сбежать в первый же день. Не очень важно, куда и зачем, главное, что сбежала и меня тут же поймали.

Я отворачиваюсь от либрария и прикрываю глаза, ныряя в него. Эмоции острые и яркие, они топят мне всю картину по привязкам, искажают и усложняют её. Нервничает лейтенант очень сильно, хотя внешне спокоен, как скала. Я выныриваю обратно в реальность, успевая заметить только то, что сюжетов у Флавия двое. На одном конце ожидаемо Наилий, а вот второго я не знаю и среди офицеров на балу не помню. Привязка старая, почти потухшая, но была довольно толстой и крепкой.

Машина замедляет ход, потом мы сворачиваем с дороги в кусты и останавливаемся.

– Приехали, дарисса, дальше пешком.

Я вылезая из машины, поправляю платье, забираю сумку с больничной одеждой и верчу головой. Мы в пригороде Равэнны, вдалеке маячит монументальное здание аэровокзала. Если нам туда, то идти довольно долго. Светило поднимается к зениту, воздух прогревается до летних температур, он прозрачен и легкий. Под ногами не стерильный газон, а обычная лужайка. Далеко ей до высокотравья середины лета, а потому идти можно, не боясь споткнуться. И дышать луго-

вой свежестью. Сколько циклов я не была на природе? Будто впервые вижу, и глаз не могу оторвать.

Флавий выходит из-за машины уже в гражданской одежде. Прямые серые брюки и простой черный свитер. Теперь мы с ним выйдем как пара на прогулке, а не как беглая шизофреничка с конвоиром. Лейтенант даже галантно подает руку, но я отказываюсь.

– Аэровокзал наша точка? – спрашиваю я.

– Нет, нам нужно на горный материк. Я могу назвать точные координаты, но сомневаюсь, что это удовлетворит ваше любопытство, дарисса. Наш рейс через час, поспешим.

Я едва успеваю за его быстрым шагом и по дороге вспоминаю, что горный материк между собой делят четыре армии – восьмая, девятая, десятая и одиннадцатая. Перемещений населения между секторами почти нет. Мы жестко закреплены там, где родились. Исключения делают только для военных. Особо ценных специалистов приказом переводят из одной армии в другую. Тот факт, что меня вывозят на другой материк, рождает еще один повод для паники. Наилий там не властен, кому он меня отдает?

Я цзы'дарийка и давно привыкла, что в своих правах почти предмет мебели. Представители нашей расы веками рождаются в условиях жесткой и вдумчивой генетической селекции. Ученые сосредоточены на мужчинах, выводя идеальных солдат, а женщинам перепадает отменное здоровье и вечная молодость в качестве побочного эффекта. На каж-

дого младенца составляется генетическая карта – наше удостоверение личности. И, чем лучше показатели в карте, тем больше шансов у тебя хорошо устроиться в жизни.

Крепких и здоровых мальчиков на восьмом цикле изымают у матерей и отдают на обучение в военные Училища. На семнадцатом цикле снова отбирают лучших и переводят в Высшие Командные Училища, из которых выпускают лейтенантами. У цзы'дарийцев нет срока службы. Военная форма надевается на всю жизнь. Мальчиков, не пригодных для службы, так же отдают на обучение в Технические Училища и после выпуска отправляют на военные заводы работать. Живут они в бараках на территории заводов и своих родных и близких видят только в отпусках. Всего двадцать восемь дней в цикл.

Девочкам совсем не повезло. Мы всю жизнь закреплены за городом, в котором родились, работаем в сфере обслуживания и мужчин видим в их отпусках и увольнительных. Семьи как таковой нет. Бабушки, матери и дочери живут вместе, если позволяет жилплощадь. Зачать ребенка естественным путем при таком раздельном существовании не очень просто. У нас процветает искусственное оплодотворение. Из лучшего генетического материала создаются эмбрионы и подсаживаются матерям.

Но если есть лучшие, то, значит, находятся и худшие. Больные, слабые, имеющие вредные генетические мутации цзы'дарийцы не сбрасываются со скалы в океан на растер-

зание хищникам, а всего лишь стерилизуются. Все психические заболевания, передающиеся по наследству, – повод для стерилизации. Все мудрецы – психи, и мы все стерильны.

Я, правда, пока еще нет. От операции до вчерашнего дня меня защищала невинность. Но первый же осмотр – и я присоединюсь к неспособным оставить после себя потомство. Не знаю, как остальных мудрецов, а меня это расстраивает очень сильно.

Флавий идет как марширует – быстро, четко и не снижая темпа. Я не такая тренированная и выносливая, а потому перед самым аэровокзалом уже едва дышу. Даже позволяю взять себя под руку.

– Улыбайтесь, дарисса, – издевательски шепчет либрарий, – ваш измученный и перепуганный вид вызывает подозрения.

Хочу послать его в бездну, но воздуха не хватает. Улыбку на губы все же цепляю и радуюсь, что от быстрого шага на бледных щеках появляется румянец.

Аэровокзал напоминает потревоженный улей с дикими осами. Вокруг нас собирается рой, все злобно жужжат, спешно пролетают мимо и норовят сбить или ужалить. Я в толпе всегда теряюсь, стараюсь стать еще более незаметной и часто пытаюсь прилипнуть к стене и не отходить от неё. Но лейтенант Прим настойчиво тянет меня сначала к кассе за билетами на воздушный транспортник до границы сектора, а потом к стойке регистрации. Там мы застреваем в пробке из

цзы'дарийцев, и я немного перевожу дух.

Царство стекла и бетона щедро заливает через окна дневное сияние светила. С высоты второго уровня я хорошо вижу толпу отъезжающих, провожающих и встречающих. Почти все женщины с хмурыми, напряженными лицами, в темной и неброской одежде, как у меня, и с тяжелыми сумками. Сейчас в секторе реформы, реорганизация и многих переводят на другое место работы.

Специалист на стойке регистрации устало улыбается Флавию, отдает ему посадочные талоны и возвращает наши документы. Те самые пластиковые карты, которые либрарий хотел показать охране на выезде из Центра. Фальшивые, разумеется, я вообще официально мертва. Интересно, заранее готовился этот побег или все происходит спонтанно? Судя по нервозности лейтенанта – второй вариант. Тогда остается только восхищаться безграничными возможностями военных.

Воздушный катер небольшой, на двадцать посадочных мест. Эргономичный ложемент принимает моё тело, и вежливая стюардесса сама застегивает ремень безопасности. Флавию она заглядывает прямо в серебристые глаза и улыбается так, что у меня просыпается Юрао.

«Давно мужчины не было, любому даст».

«Утихни, дай в иллюминатор спокойно посмотреть».

Но паразит не дает, начинает мучить непристойными картинками с участием либрария и стюардессы. Я изо всех сил

думаю о другом и вдруг слышу тихий голос Флавия:

– Всех рассмотрели, дарисса?

Оборачиваюсь и с любопытством склоняю голову на бок. Лейтенант говорит, едва шевеля губами:

– Да, я знаю, кто вы и что умеете. И мне тоже любопытно. Предлагаю обмен. Вы рассказываете то, что интересно мне, а я отвечаю на один ваш вопрос. Развернуто, с пояснениями.

Занятно. Но почему бы и нет? Полет долгий, плата за работу кажется достойной, и я киваю, соглашаясь, но предупреждаю, что не всеильна. Тогда Флавий позволяет себе улыбнуться и отвечает, что не будет спрашивать, в чем смысл жизни и как зародилась Вселенная. Правильно, это не ко мне, а к Маятнику.

– Но прежде, чем я задам важный вопрос, позвольте задать контрольный, – так же тихо и не выдавая нас, говорит либрарий. – Просто еще раз убедиться, в том, что вы феноменально хороши и равных вам нет.

Я снова молча киваю и мысленно зову Юрао. После такого вступления ошибиться будет обидно.

– У меня есть три женщины, – не смущаясь, признается Флавий, – скажите мне, которой из них я действительно небезразличен.

Вопрос стандартный. Искренность отношений интересует многих. Вот только примет ли лейтенант правду или предпочтет не расставаться со своими иллюзиями? Я снова ныряю в него, замечая, что градус волнения стал только выше. С тру-

дом пропускаю через себя всю паутину привязок и не нахожу ни одной зеленой. А вот это новость. Расстраиваюсь, ерзаю на месте и снова придирчиво всматриваюсь в либрария.

– Лейтенант Прим, отношениями вы связаны только с одной женщиной. Да, она искренне вас любит, но привязка не зеленая, а розовая с красными вкраплениями. Сестра?

Флавий цокает языком и удовлетворенно кивает.

– Браво, дарисса.

Потом надолго задумывается. Меня почти озноб берет от его волнения, если так дальше пойдет, попрошу стюардессу принести стакан воды. Жаль, Шуи так и осталась в карцере на полу за ножкой кресла.

– Я долго и преданно служу Его Превосходству, – Флавий начинает издалека, – но в последнее время он стал поручать работу, которая всегда была моей, другому лейтенанту. Обычно после этого следует перевод или понижение в должности. Вот и сейчас я должен быть совсем не здесь.

Теперь мне стала понятна причина нервозности. Важные дела проворачиваются где-то далеко, а либрарий занят любовницей генерала. Не очень почетно, согласна.

– Однако же, когда я узнал, что должен сопровождать вас, – Флавий делает акцент на последнем слове, заменив им сразу и шизофреничку, и мудреца, и любовницу, – то все мои догадки и логические построения рухнули. Скажите, дарисса, в чем смысл этого задания?

Я облизываю пересохшие губы и смотрю в иллюминатор.

Под крылом воздушного катера проплывают цветные квадратики домов, ровные зеленые поля и строгие росчерки асфальтированных дорог. Библиотекарь молчит и ждет, а я разглядываю фиолетовую привязку «сюзерен-вассал», ту, которая замкнута на генерале пятой армии. Флавий не входит в ближний круг, он ценный исполнитель, но для Наилия остается в рамках деловых отношений. На первый взгляд, ничего необычного, за что можно зацепиться, я не вижу. Работать придется тоньше и глубже, а для этого нужна энергия, чтобы накормить паразита. Зеленая энергия похоти и вождения. И мне не очень хочется брать её у Флавия, но придется.

– Лейтенант Прим, мне нужна ваша помощь, – обреченно произношу я, – заглядывать нужно глубже, а для этого необходим телесный контакт. Я должна настроиться на вас. Возьмите меня за руку, пожалуйста.

Последнее произношу почти неслышно и слежу за реакцией библиотекаря. Он изгибает бровь и, не моргая, смотрит на меня. Жаль, не умею читать мысли, а эмоции Флавия вдруг подергиваются рябью, окончательно сбивая меня с толку. Холодный, внешне невозмутимый и сдержанный лейтенант аккуратно накрывает мою руку своей. И ничего. Нет, так мы паразита не накормим.

– По-другому, – с трудом выговариваю я и не верю, что произношу вслух следующую фразу, – нежно, как любовнице.

Проклятье, лишь бы он потом рапорт генералу не напи-

сал с отчетом о поездке. Еще, наверное, микрофон где-то в одежде спрятан. Долго потом буду объясняться с Его Превосходством, если он приревнует.

Флавий переворачивает мою руку ладонью вверх, водит кончиками пальцев по паутине из линий, а потом переплетает свои пальцы с моими в замок. И думать начинает в правильном направлении. Расслабляется, успокаивается, я слышу довольное урчание Юрао и продолжаю.

Теперь можно дернуть легонько за привязку и посмотреть, как отреагирует. Никак. Статична привязка. Не менял своего отношения Наилий, надумал Флавий отчуждение. Быстро пробегаюсь по соседним узлам, еще раз натыкаюсь на вторую привязку, и вот она как раз реагирует, становится сочнее. Планировал лейтенант пути отхода в случае опалы. А вот это уже интересно, особенно если принять в расчет последние события. Но все равно пусто. Нервяк, паранойя и тривиальные игры правителей.

– Это проверка, – выдаю ответ и забираю руку. – Его Превосходство видит вас в новом качестве на более высокой должности.

– Благодарю, дарисса, – сдержанно кивает либрарий и прячет улыбку. А я думаю над тем, сколько циклов прожил Флавий и как долго служит лейтенантом. Здоровых амбиций никто не лишен.

– Теперь ваш черед, но прошу, не продешевите, дарисса, – говорит лейтенант. – Большинство ответов на свои вопросы

вы узнаете, когда прибудете на точку.

– Тогда позвольте и мне контрольный вопрос, – улыбаюсь я, а Флавий кивает, – платье на бал тоже вы для меня выбрали?

– Надеюсь, что угодил, – тепло улыбается в ответ либрарий, снова деликатно берет меня за руку и легко касается губами тыльной стороны ладони, – прятать столь прекрасную женщину в безликой больничной форме – преступление.

Знаменитая офицерская галантность и ничего больше. Ни грамма зеленой энергии.

– Кто ваш второй сюзерен, Флавий?

Лейтенант задумывается, но вопрос понимает правильно.

– Марк Сципион Мор, генерал девятой армии. Я служил у него раньше, потом перевелся на равнинный материк.

Кусочки мозаики из ответов и вопросов вздрагивают в сознании и поворачиваются другим боком. Теперь я готова поклясться, что наша точка находится на территории девятой армии. А еще вспоминается мой беспечный отказ от проверки всех связей сюзерен – вассал на балу. Сколько еще таких, как Флавий, сохранивших контакты с бывшим руководством? И проверить теперь каждого офицера заново я не имею возможности. Разве что до рези в глазах всматриваться в видеозапись и пытаться вспомнить, что я видела.

Остаток полета мы проводим в тишине.

На аэровокзале горного материка по прибытию более жесткая проверка. Наши пластиковые документы тщательно-

но рассматривают, проверяют по базам и просят меня распустить волосы. Не похожа на свою фотографию. Либрарий держит себя так крепко и улыбается так вежливо и свободно, что я проникаюсь уважением и почти завидую. От аэровокзала до пресловутой точки добираемся на попутном транспорте, а потом снова долго идем пешком.

Величие обступающих со всех сторон гор вызывает трепет. Древние спящие гиганты, едва прикрытые белым покрывалом облаков, уходящие ледниками в самое небо. Здесь внизу в долине подножия гор скрыты лесами. На склонах ютятся маленькие городки и деревеньки. Добраться до каждого – целая история. Дороги выются серпантинном, проходят по краям пропастей и пронзают скалы тоннелями. А еще здесь очень холодно. Я зябко веду плечами, и второй раз отказываюсь от свитера Флавия. Он все чаще достает из кармана планшет и сверяется с координатами. Мне начинает казаться, что мы заблудились. На расстоянии видимости ни одного населенного пункта, мы буквально идем по каменистой тропинке вверх в горы, и вокруг ни души. Наконец либрарий останавливает и тяжело выдыхает:

– Мы на точке, дарисса.

Я, конечно, слышала о погрешности навигаторов, но впервые оказалась где-то совсем не там, где должна. Флавий долго крутит головой, а потом молча идет к ближайшему горному склону. Я стараюсь не отставать и тоже замечаю ровную металлическую дверь прямо в камне. На ней электронный

замок старого образца без считывателя отпечатков пальцев. Лейтенант жмет на кнопку, и мы слышим приятный женский голос.

– Назовите себя.

– Флавий Прим.

– Голос распознан, в доступе отказано. До блокировки осталось две неверные попытки.

– Забавно, – хмыкает лейтенант, – что ж, дарисса, дальше мне нельзя. Приказ был доставить вас до этого места. Прощу.

Я подхожу ближе, и Флавий снова нажимает на кнопку.

– Назовите себя.

– Дэлия.

– Голос распознан, в доступе отказано. До блокировки осталась одна неверная попытка.

– Еще не лучше, – говорит Флавий и надолго умолкает. Плотину его ледяного спокойствия прорывает паника и раздражение. Он ходит вокруг меня, сжимает руки в кулаки и бормочет.

– Не может быть, координаты верны, погрешность минимальна.

– Лейтенант Прим, вы выполнили свой приказ, – спокойно говорю я, – нет смысла оставаться здесь. Кто бы за мной ни пришел сейчас или позже, я дождусь. У вас есть более важные дела.

Несуществующие боги, как же мне не хочется оставать-

ся одной посреди гор у закрытой двери. Флавий явно только звено из цепочки, скорее всего, будет встречающий или очередной провожатый, но что-то не так.

– Нет, дарисса, – качает головой либрарий, – приказ приказом, а я не могу уйти. Возможно, есть другой вход, попробую его найти.

Пока Флавий бродит вокруг, изредка прикасаясь к камню, будто ища потайные кнопки, я думаю. Замок старый, на голосовом управлении, у меня был такой дома.

– Лейтенант Прим, – зову я, подходя к нему ближе, – скажите, системе распознавания нужен только образец голоса или еще и слова?

– Имя и голос, дарисса, как логин и пароль в системе.

Я широко улыбаюсь и возвращаюсь к двери.

– Назовите себя.

– Мотылек.

– Голос распознан, доступ разрешен.

Оборачиваюсь к Флавию и вижу непонимание в глазах.

– Меня зовут не Дэлия, – объясняю ему, – я мертва, сожжена и существую только в документах центра как Мотылек. Но на балу было бы странно представлять меня гостям, называя прозвище. Тогда Его Превосходство и придумал новое имя.

Либрарий приподнимает бровь, улыбается своим мыслям и шире открывает дверь.

– И все-таки я вас провожу, дарисса. Так спокойнее будет.

Ничего не имею против. Вхожу в узкий и темный коридор, выдолбленный прямо в скале. Над головой тусклые лампы дежурного освещения, под ногами шуршат мелкие камешки, а впереди яркий свет в конце тоннеля, как в рассказах цы'дарийцев, переживших клиническую смерть. Манит этот яркий свет, зовет за собой.

– А как вы вернетесь обратно, лейтенант Прим?

– С этой стороны обычная кнопка. Выпустит, не задавая вопросов.

Я киваю, делаю несколько шагов и чувствую, как Флавий деликатно поддерживает под локоть. Аккуратно высвобождаюсь и смело иду вперед. На выходе из тоннеля открывается такой вид, что захватывает дух. Два шага и глубочайшая пропасть, за спиной склон горы отвесно уходит вверх, а впереди к нему испуганно жметя, притаившись между скал, двухэтажный дом с широкой террасой под навесом. Деревянный, нарочито простой, но выглядит так, будто вчера построили. А вокруг, куда хватает взгляда, горы, утопающие в зелени.

– Красиво как, – выдыхаю я.

– И умно, – подхватывает Флавий, – это единственная дорога к дому. Сюда даже по воздуху не добраться, катер просто негде посадить.

– Чей это дом?

– Понятия не имею, дарисса, в первый раз вижу.

На входной двери такой же замок, и он открывается, услышав, что я Мотылек. В интерьере только камень, дерево и

светлый текстиль. Комнаты просторные, потолки высокие, мебель добротная, но вся квадратная и угловатая. Мужчина живет в доме. За гостиной с камином и диванами кухня и пустой зал. Я брожу по дому, стараясь не кричать: «Ау, здесь есть кто-нибудь?». Глупо, да. И так понятно, что никого. Флавий поднимается по лестнице на второй этаж и спускается ни с чем. Гостей явно не ждут. Я открываю последнюю закрытую дверь и оказываюсь в библиотеке. От пола вверх к потолочным балкам уходят изящные шкафы, заставленные книгами. Я за всю жизнь столько не видела и не держала в руках. Сейчас всё электронное, настоящая бумажная книга – антиквариат. На свободной от шкафов стене, в коробе под стеклом на крючках лежит боевой цзы'дарийский посох.

– Теперь понятно, – улыбается Флавий, – это резиденция генерала.

А мне не понятно, и я спрашиваю, почему он сделал такой вывод.

– Посох генеральский, – объясняет лейтенант, – присмотритесь, дарисса. Он цельный, не складной и на пятнадцать сантиметров длиннее обычного боевого посоха. Никто, кроме Его Превосходства, не может прикасаться к такому оружию.

Потому что оно создано только для поединков. Смертельных поединков генерала и претендентов на его звание. У меня дома висел плакат с фотографией Наилия в белом парад-

ном кителе и таким посохом в руках. Генерал на нем холодный и надменный. Я закрывала глаза и представляла, как он идет через толпу зрителей по ковровой дорожке и все замирают ему вслед. А он смотрит только вперед, в глаза противника, и часы отсчитывают секунды по его шагам.

– Претендент тоже с длинным посохом?

– Нет, с обычным, – отвечает Флавий.

– Но тогда поединок нечестный. Генерал достает ударом дальше. Это необоснованное преимущество.

– Скорее, маленькая генеральская хитрость, – пожимает плечами либrarian, – претендент должен доказать, что он лучше. Выиграть бой из заведомо худшего положения – хорошее доказательство.

– А еще гарантия долгой жизни нынешнего генерала?

– Не такая уж и гарантия, дарисса, – улыбается Флавий, – ни один генерал в нашей истории не умер от старости в своей постели.

Разговор прерывает тревожный писк гарнитуры. Либrarian вынимает её из кармана и вешает на ухо.

– Слушаю. Так точно, доставил. Еще нет, но сделаю, как вернусь в приемную. Есть.

Я отворачиваюсь от посоха к нему и вижу, как убирает гарнитуру в карман.

– Рад был нашей встрече, дарисса. Навеки ваш, – говорит Флавий и целует мне руку.

Я прощаюсь, и он уходит не оглядываясь.

Глава 5. В горной резиденции

Резиденция генерала пустая и холодная без него. Выстуженная горными ветрами и почти стерильная. Безупречная в своей аккуратности. Витрина картинной галереи. Мне страшно тут даже просто ходить, не то что жить. А впереди еще целая неделя одиночества.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Там спальня с гигантской кроватью под балдахином и треугольным окном во всю стену от пола до перекрещенных балок под крышей. Днем здесь царствует светило, прогревая комнату, а ночью можно увидеть все звезды на небе.

Рядом выложенная белым камнем ванная комната с махровыми полотенцами оттенка терракоты. Ванна как минимум на двоих и душевая кабина. Все немного устаревшее и без лишних технических изысков. У свободной стены зеркало во весь рост. Не люблю себя разглядывать, что я за двадцать циклов еще не видела? Фигуру свою тощую, плоскую, как у юного мальчика? Или бледные, безжизненные волосы, спускающиеся тонким хвостиком до середины лопаток?

Платье, надо отдать должное вкусу Флавия, сидит хорошо. Только ходить в нем не очень удобно. Вспоминаю, что привезла с собой больничную одежду, и решаю переодеться. Белые штаны и рубашка обнимают как родные, а подаренное

платье я аккуратно складываю в сумку. Шорох мелких камней на дороге за окном заставляет вздрогнуть. Кто-то идет к дому и не думает скрываться. Лейтенант что-то забыл? А как он через дверь прошел? Бросаюсь к окну и замираю. Узнаю издали и не верю глазам. Чудо, как в сказке. В черном форменном комбинезоне, закинув вещмешок на плечо, легкой пружинистой походкой по тропинке к дому идет Наилий.

Я босиком лечу вниз по лестнице, мечтая упасть в объятия. Но в открывшуюся дверь сначала входит холод, а за ним тяжело стелется по полу приглушенный, налитый злобой голос Его Превосходства.

– Сципион, четыре генерала из двенадцати воспитанники горных интернатов, это что-то да значит, – Наилий бросает вещевой мешок в угол прихожей и продолжает говорить в гарнитуру. – Удовлетворял я в рот Цезаря с его экономической целесообразностью, ни один интернат закрыть не дам.

Замечает растерянную меня и прикладывает палец к губам, требуя тишины. На лбу Наилия свежая гематома, глаз залит кровью, и под ним красуется синяк.

– На месте я. Не знаю кто, всю охрану в центре положили, Рэм записи с камер смотрит.

Голос клокочет ненавистью и расходится по дому раскатами грома.

– Насмерть, Сципион! У меня десять трупов! В моем секторе, в собственном медицинском центре!

Он проходит мимо, открывает дверь библиотеки и в от-

вет на мой порыв войти за ним отрицательно качает головой. Снова говорит в гарнитуру:

– Нет, пока. Нет, я тебе сказал. Все, отбой!

Генерал громко хлопает дверью, а я стою и перевариваю услышанное. Если охрана центра перебита, то что стало с мудрецами? Десять трупов. Есть ли среди них Создатель, Конспиролог, Поэтесса? Что с несчастными, не выходящими из переходного кризиса единичками, прикрученными к кроватям на первом этаже? Куда делся персонал? Децим, Луций, что с ними? В библиотеке шумно. Грохочет так, будто Наилий швыряет мебель.

Я вздрагиваю от ужаса и понимаю, что собираюсь зайти в клетку к разъяренному зверю. Расспросы подождут, сейчас нужно успокоить генерала, а я не могу даже настроиться на него. Без якоря не получается. Когда-то я привязала ощущения к фантомному запаху эдельвейса, и сейчас нужно его почувствовать.

Открываюсь, и меня цепляет шлейф ярости и боли, оставшихся в прихожей. Сердце колотится, голова плывет. Если такой шлейф, то что сейчас в библиотеке?

Я жду тишины и медленно поворачиваю ручку двери. Наилий сидит на полу, поджав под себя ноги, и трогает кончиками пальцев шишку на лбу. Вокруг разбросаны книги и валяются перевернутые стулья. Он поднимает на меня глаза и рычит:

– Дэлия, уйди!

Я не Дэлия, я – Мотылек. Легкая, бесстрашная и лечу прямо в открытое пламя. Игнорирую приказ и делаю шаг к нему, второй. Комната теряет краски. Становится серой и тусклой на фоне его горящих глаз. Холодный, голубой огонь. Нырять в него страшно – там тьма и ураган. Сметет пушинкой с ладони.

Я уже рядом, сажусь на пол перед ним. До сих пор молча, тихо и не чувствуя аромата горного цветка. В броне генерал, даже я не могу пробиться. Наилий берет за плечи и разворачивает к себе спиной. Обнимает за живот и тянет еще ближе. Я жду ласки, боюсь боли и пытаюсь пробиться через тишину.

– Наилий.

– Шшш, – останавливает генерал и достает что-то из кармана. Не знаю, что, только краем глаза замечаю движение согнутой в локте руки. Его Превосходство наматывает мой хвост на кулак, тянет за волосы вниз и медленно, чтобы я видела, подносит к горлу нож.

– Мой катер сбили, когда я улетал от тебя.

Лезвие холодное, но быстро нагревается на моей коже. Не дышу, не сглатываю и не успеваю удивиться, что мне спокойно. Это игра. Глупая шутка. Он понарошку, правда?

– Ты вывела Создателя из центра, – ровно и четко произносит генерал, как приговор зачитывает, – мимо усиленной охраны, всех камер и открыла двери мастер-ключом, который дал тебе я. Создатель исчез. Его выкрали прямо с пустыря у разбитого катера. Охрану центра положили и ушли

ни с чем. А знаешь, почему? Отвлекали. Шли за Создателем. Генерал поворачивает лезвие ребром и давит сильнее.

– Ты искала предателя и не нашла, потому что это ты, Мотылек.

Комната взрывается и гаснет. Я каменею в пустоте и перестаю чувствовать. Совсем. Вывод Наилия логичен, и его почти невозможно опровергнуть. Чей-то хитрый план или усмешка вселенной, подстроившей все случайности? Забываю про нож, про разгневанного генерала и думаю. Перебираю лица, события, слова, взгляды, как бусины на нитке. Одну за другой, не перемешивая и не меняя местами. Так, как они шли перед глазами. Все ровно, гладко, и лишь одна зубрина царапает палец.

– Почему ты не боишься? – глухо спрашивает генерал.

– Потому что я не предатель.

Мой голос звучит сухо и безжизненно. Я – мудрец. Эмоциональный труп.

– Создатель сам пошел за мной на пустырь. Знал, что если попадетсЯ – то накажут. А прощаясь, сказал: «Я тоже читаю предсказания Поэтессы».

Белая пустота идет рябью. Я тяну воздух носом и узнаю эдельвейс. Чистый, тонкий, ускользающий. Генерал не убирает нож, но давит уже слабее.

– Поэтесса написала про нас с тобой и про катер, – продолжаю я войну фактов, – а днем раньше про дверь и мастер-ключ. Красивый вышел стих, я сама едва догадалась.

Я надеюсь, что выстроенная в сознании генерала картинка рушится. Снова рассыпается разрозненными фрагментами. Иначе конец. Ждет меня полет с перерезанным горлом от края каменистой тропинки в пропасть. Наилий еще чуть-чуть расслабляется, и запах эдельвейса становится резче.

– Предатель кто-то из ваших?

– Нет, – тихо выдыхаю я. – Никто из тех, с кем я говорила и кого видела за те дни.

Осторожно касаюсь пальцами запястья руки с ножом и пытаюсь отодвинуть от горла. Наилий не дает.

– Почему ты в больничной одежде? – цедит он сквозь зубы, – Флавий должен...

– Я была в платье, – быстро перебиваю, – лейтенант Прим все сделал, как ты приказал. Я сама переоделась только что.

– Почему?

– Мне так удобнее.

От генерала еще тянет злостью и болью, но ураган превращается в легкий сквозняк.

– Не хочу тебя больше видеть в больничном, – твердо говорит Наилий, отпускает мои волосы и оттягивает треугольный вырез рубашки, – никогда. Ты поняла меня?

Моё робкое «да» перекрывает треск разрезаемой ножом ткани. Я вздрагиваю, закрываю глаза и шарахаюсь от острого лезвия назад. Раскромсав рубашку на две половины, генерал прячет нож обратно в карман и сдергивает белую ткань с моих плеч.

Закрываюсь, обнимаю себя руками, пряча обнаженную грудь, а он не обращает внимания. Толкает в спину, пока не встаю на колени. Больничные штаны не режет, просто снимает вместе с бельем. Легкий ветерок из открытого окна пробегает по обнаженной коже, я сжимаюсь от холода и страха. Наилий обнимает сзади. По-прежнему одетый.

Напряжение нарастает, но теперь оно другое. Что со мной будет делать генерал, я чувствую спиной. Все еще прикрываю грудь и пытаюсь если не встать, то отползти. Тщетно.

– Не пущу, – упрямо говорит Наилий и держит за бедра. Гладит по животу и ведет руку вниз. Ласкает, пока не сдаюсь. Пью похоть, пропитываюсь ею, как дымом от пожара. Невозможное ощущение. Острое и яркое одновременно. Пальцы скользят и проникают в меня, не встречая сопротивления. Я прогибаюсь в спине, хочется стонать, но держусь. Гоню из головы все мысли, чувствую, как развязывается узел страха в животе. А потом слышу, как тихо расходится молния форменного комбинезона. Трещат застежки-липучки белой рубашки. Она летит в сторону. На пол к моим штанам.

Наилий без слов и прелюдии упирается в меня и входит одним толчком. Я встречаю его протяжным стоном. Наклоняюсь вперед низко, почти касаясь макушкой пола, держа себя на локтях. Еще удар. Резкий и почти злой. Так глубоко не было в первый раз. Только теперь я по-настоящему ощущаю, как его много. Сколько в нем силы и ярости. Это не боль внутри меня, а что-то другое – первобытное и незнако-

мое. Мои стоны, как музыка в едином ритме с его дыханием. Не выдерживаю и начинаю кричать. Рвусь от него, но генерал только прижимает к себе сильнее. Комната дрожит в глазах и вспыхивает алым, кусаю губы почти до крови. Разрядка мощная и безжалостная до темноты, до слабости и удушья. Сердце едва бьется. Наилей изливается в меня болезненными упругими толчками.

Хочу лечь на пол, но он не дает, поднимает и держит в объятиях, пока с хрипом втягиваю воздух. Генерал горячий и опустошенный, как я. А первая пришедшая ко мне мысль крутится вокруг истинной причины моего похищения из центра. Одинокий домик в горах без камер, санитаров и вездесущих мудрецов. Да мы чихнуть не могли, чтобы весь этаж по цепочке не увидел, не считал, не предсказал.

– Ужинать будешь? – спрашиваю я.

– А есть что?

– Сейчас посмотрю.

Поднимаюсь на ноги и беру больничную одежду, чтобы хотя бы прикрыться по дороге в ванную комнату за платьем.

– Возьми мой вещмешок в прихожей, – говорит в спину генерал, – там сухпаек.

На ходу хватаю мешок за ляжку и заносу на кухню. Потом бегом по лестнице в ванну. Запираю дверь, сползаю по стенке на пол и обхватываю колени руками. Тело все еще ноет от жесткой ласки Его Превосходства, а я тру шею, проверяя, нет ли там крови.

«Где ты был, Юрао?! Почему бросил меня?»

Слез нет, хотя должны быть, наверное. Только спазм в груди.

«Рядом был. Держал тебя. Или думаешь, сама такая сильная и бесстрашная?»

Не верю я ему. Даже собственному паразиту не верю.

«А если бы убил? Он ведь мог».

Нет отклика от Юрао, а мне головой охота об стену биться. Знала ведь, с кем связалась. Почему теперь удивляюсь?

«Ну, не убил же».

Проклятая логика. Да, не убил. А если в следующий раз я не найду ответов и не смогу разубедить? Что тогда делать?

Открываю кран с холодной водой и долго умываюсь. Надеваю на себя все, что подарил Флавий, и даже прихватываю хвост красивой заколкой. Лепестки синей замши собраны в цветок и украшены прозрачными камнями. На моих белых волосах вполне неплохо.

Спускаюсь вниз и прислушиваюсь к закрытой двери в библиотеку. Тихо. И это замечательно.

Достаю на кухне из вещмешка еду, расфасованную по пакетикам, ванночкам из фольги и упакованную в простую коробку из картона. Действительно, сухпак. Думала, что генералы едят что-то особенное, а здесь та же каша и порошок с витаминным напитком. Представляю, как положу на огромный, украшенный белой скатертью стол эти крошечные порции в пакетиках, и аппетит пропадает. Как говорила моя ма-

тушка: «Красивая посуда – половина вкуса блюда».

Через десять минут на кухню к сервированному столу приходит Его Превосходство в наглухо застегнутом комбинезоне и выкладывает на скатерть планшет и гарнитуру. Отдвигает стул, садится и молча ест, почти не глядя в тарелку. Тихий и задумчивый. А какой фингал под глазом – просто шедевр изобразительного искусства. Переливы красного и фиолетового цвета в желтом ореоле, плавно перетекающем в гематому на лбу таких же оттенков.

– Красивый, правда? – спрашивает генерал, замечая мой изучающий взгляд. – Нравлюсь тебе таким?

Нет, но я молчу и стыжусь своих мыслей. Что бы ни случилось в библиотеке, я рада, что Наилий остался жив. И в этом ощущении ничего не изменилось.

– Боишься теперь меня? – продолжает он задавать вопросы.

То ли Юрао действительно научился гасить мой страх, то ли я устала под вечер, но копать сейчас не хотелось ни в себе, ни в нем.

– А вы не боитесь, Ваше Превосходство? – осторожно спрашиваю я, двигая ложкой еду в тарелке. – В одном доме с шизофреничкой где-то далеко в горах. Кто знает, какие у меня внутренние монстры. Вдруг они жаждут крови и мечтают жрать плоть цзы'дарийских генералов?

Наилий сдержанно улыбается и делает глоток витаминного напитка из фужера на длинной ножке.

– Решила внутренними монстрами померяться, чьи страшнее? Что ж, с удовольствием посмотрю на твоих. Ночью. В постели.

После сегодняшней сцены в библиотеке мне кажется, что генеральские монстры куда страшнее безобидного по сути паразита Юрао. Но не только от этого я замираю и прячу ужас в глазах, склонившись к тарелке. Наилей своим замечанием попадает в цель. Нервный был день, и сейчас всерьез хочется сходить к Луцию и попросить транквилизатор. Потому что меня ждет еще одна ночь кошмаров. Ярких, болезненных, безумных. Буду кричать и метаться на кровати. Хорошо, если ничего не разобью. Его Превосходство – последний цзы’дариец, перед кем бы я хотела предстать в таком виде. Нельзя мне спать рядом с ним. Лучше вообще уйти из дома в тоннель у закрытой двери. Прав Создатель. Не нужна генералу любовница с проблемами, чтобы он ни говорил только что.

Гарнитура пищит, отвлекая Наилия от ужина.

– Слушаю. Флавий, ты меня видел. Какое может быть официальное опровержение с таким лицом? Да. Найдите что-нибудь.

Генерал снова трогает шишку пальцами и недовольно морщится. Заживет, и очень быстро. Благодаря генетикам раны у цзы’дарийцев заживают быстро, и синяки бледнеют за несколько дней. Ускоренная регенерация.

– Флавий, найди в архиве все записи со стихами мудреца

Поэтессы за последний цикл. Да, и мне перешли. В любом формате. Завтра. Все, отбой.

Нож от горла убрал, но решил проверить мои слова о предсказаниях? Незаметно вздыхаю и решаюсь задать вопрос:

– Ваше Превосходство, а что стало с остальными мудрецами?

– Создатель похищен из центра. Девять охранников и один санитар убиты, – генерал щедро делится информацией. – Всех двоек разделили и спрятали по секретным местам. Так что это ты здесь прячешься, а я тебя охраняю. Официально я в командировке. Улетел на неделю, как и планировал.

Гарнитура снова пищит. Генерал подносит к ней палец и заканчивает фразу:

– Но работаю дистанционно, как видишь. Правда, в космическом режиме. Доступен не для всех. Слушаю. Нет, не выпил, забыл. С собой взять забыл, поищу здесь в аптечке, но вряд ли есть. Публий, я настолько тщательно соблюдаю постельный режим, что даже сейчас лежу в кровати.

Я прячу улыбку. Капитан Публий Назо – глава медицинской службы и лучший друг Его Превосходства. На балу я Публия не видела. Дежурил капитан в медицинском центре. Наилий слушает его и ехидно улыбается.

– Обязательно. Сам катись в бездну. Отбой.

Генерал устало снимает гарнитуру и смотрит на часы на

планшете.

– Дэлия, я знаю, у тебя много вопросов. Но я сам до сих пор жду доклады. Пока я вроде как болтаюсь в космосе, они будут приходить с задержкой. Ложись спать. Утром я расскажу остальное, и вместе читаем стихи.

Я роняю ложку и поднимаю на Его Превосходство удивленные глаза.

– Один я сочинения Поэтессы не осилю, – поясняет Наиль, наслаждаясь моим шоком, – возможно, Создатель действительно сбежал сам. Спасибо за ужин. Я с твоего позволения еще поработаю в библиотеке.

Он коротко кивает и, не дожидаясь моего ответа, уходит. Прибираю со стола и тихо на носочках, сняв туфли, иду в спальню. Беру с кровати покрывало, одну подушку из двух и спускаюсь по лестнице устраиваться на ночь в гостиной. Из-за закрытой двери библиотеки едва слышно, как генерал что-то говорит в гарнитуру. Заметит пропажу подушки. Надеюсь, что проигнорирует. Спать в платье нельзя, а надеть больше нечего. В итоге тушу свет, ныряю под покрывало на диван в одном кружевном белье и вспоминаю стихи Поэтессы. Те, что знаю наизусть. Стены в доме кажутся толстыми, но удержат ли они мои крики? Может быть, получится не спать вообще.

Успокаиваться, дышать и считать уже поздно. Ставить крепкую защиту от приходящих из-за барьера духов я так и не научилась, а слабый бастион выдержки и спокойствия ру-

шится от глотка Шуи или сильных переживаний. Катер генерала, сбитый ракетой, нож у горла. Голодные духи уже со мной и, стоит уснуть, – вцепятся и начнут жрать.

В ночном небе сияет Арий, спутник нашей планеты. Бледный и щербатый от кратеров. Я прислушиваюсь к звукам в коридоре и жду, пока Наилий уйдет спать. Глаза закрываются, и приходит дрема. Легкая, поверхностная, чуткая.

– Дэлия, ты почему здесь?

Вздрагиваю и открываю глаза. Генерал стоит возле дивана в пятне теплого света от зажженного торшера. В одних черных брюках. Легких хлопковых, без карманов. Я кутаюсь в одеяло под шею и молчу.

– Спальня наверху, – ровным голосом напоминает полководец.

Сейчас он решит, что я капризничаю. Проучить собираюсь за сцену с ножом. Но лучше пусть сочтет глупой бабой, играющей в свои игры, чем узнает правду. Услышит и увидит мудреца, терзаемого ночными кошмарами. Это проклятье есть только у меня. Остальные свободны от столь пристального внимания сущностей из мира за барьером.

– Сегодня я буду спать здесь, Ваше Превосходство, – говорю твердо и борюсь с желанием накрыться покрывалом с головой.

Наилий не сводит с меня изучающего взгляда. Время тянется бесконечно медленно, пока он молчит. Еще три удара сердца, и я не выдержу. Признаюсь, что, пока жила на этаже

с мудрецами-единичками, они по ночам выставляли меня за дверь. Орала в голос, мешала спать. Луцию приходилось отправлять меня в карцер по липовому отчету о срыве, чтобы хоть там могла выспаться.

– Близости не будет, если ты не захочешь, – говорит генерал и протягивает руку, – пойдём.

Мне становится совсем стыдно, но отступать и сдаваться нельзя. Отрицательно качаю головой и подтягиваю колени к подбородку под покрывалом, свиваясь в клубок.

Наилий опускает руку, цедит сквозь зубы: «Ладно», разворачивается и уходит.

Впору бежать из дома или забиться в угол. Что я творю? Зачем? Что он сейчас обо мне подумает? Как буду завтра утром в глаза ему смотреть? Паника отзывается дрожью, но я только крепче обхватываю колени.

Проходит всего пара минут, и генерал возвращается. Не глядя на меня, стелет на пол жесткий коврик для тренировок и ложится на спину. Вытягивает руки вдоль тела и закрывает глаза.

Я готова в ужасе метаться по дивану. Выпрыгнуть в окно, но в гостиной оно глухое, без створок.

– Нет, Ваше Превосходство, – срывающимся голосом прошу я, – оставьте меня одну, пожалуйста.

– Это мой дом, – холодно отвечает Наилий, не открывая глаз, – и я буду спать там, где захочу.

Возразить нечего. Выгнать я его не могу, сбежать тоже, ге-

нерал предусмотрительно запер дверь, когда заходил. Догадка приходит неожиданно. Неужели читал историю болезни и знает? Не может быть. Он бы близко тогда не подошел ко мне. Психованная истеричка как прокаженная. Неадекватна и опасна для себя и окружающих. Сон проходит бесследно. Я сажусь на диване и просто смотрю в окно на косые лучи света от Ария. Помогите мне, несуществующие боги, нельзя спать, нельзя. Час проходит, два, а потом наступает темнота.

Глава 6. Ночные кошмары

Я его потеряла. Он ушел и вселился в кого-то другого. Голодный был и злой. Даже не попрощался. И теперь нужно искать, пока не натворил дел. Есть особый пароль на такие случаи. Я касаюсь рукой плеча и спрашиваю обернувшегося мужчину:

– Как мне называть тебя?

– Как вам будет угодно, дарисса.

Флавий вежливо улыбается и проходит мимо. Не он. А кто? Брожу в тумане и зову. Тяну гласные имени, вибрирую на согласной. Тишина. Кто-то дышит за спиной. Оборачиваюсь на звук и вижу Децима.

– Как мне называть тебя?

– Не беси меня, Мотылек!

Хорошо, не буду. Уходи, ты – не он. Ищу дальше. Знакомая походка, длинные пряди волос на макушке аккуратно уложены, белый китель и золотые погоны. Замираю и не верю. Холодный блеск голубых глаз.

– Как мне называть тебя?

– Юрао.

Хватаю за рукав и боюсь отпустить. Синяк под глазом стал ярче, а рот перепачкан кровью. Это ошибка! Кто угодно, только не он! Отпусти его, паразит! Есть вторая часть

пароля.

– Тебе так понравилось это имя?

Сейчас он пошутит, ответит невпопад или разозлится на меня.

– Это имя понравилось тебе.

Нет! Кричу ему, а он наотмашь бьет по лицу. Достает из кармана нож и круто разворачивается на каблучках. Нет! Отпусти его! Нет!

Бегу за ним и не успеваю. Быстр и ловок. Лучший воин. Легенда. В его руках бьется несчастный мальчик. Кадет, едва окончивший училище. Из разрезанного горла толчками льется кровь, превращая белый китель в алый. Генерал держит крепко, я знаю, как умеет. Нож глубже в мясо до позвоночника. Коленом в спину и голову за волосы на себя. Я слышу хруст шейных позвонков и кричу.

Нет!

Голова падает на пол и катится ко мне. Я пытаюсь отползти назад, но не могу. Мертвые глаза смотрят с укоризной. Я убила! Не уследила за паразитом, и он вырвался на свободу. Я слышу, что Юрао ест. Вижу, как срезает ножом кусочки плоти и жует. Облизывает кровь с пальцев и довольно причмокивает губами генерала. Кривится его усмешкой и спрашивает его голосом.

– Нравлюсь тебе таким?

Нет!

Отпусти его, Юрао.

– Отпусти!

Вырываюсь изо всех сил и не могу вдохнуть. Я в тисках.

– Дэлия, проснись!

Страх выходит слезами. Чувствую щекой голую грудь генерала и замираю. Темно в гостиной, он лежит на полу, а я на нем. Гладит меня по волосам и шепчет:

– Тише, тише.

Ладонью вытираю слезы и обнимаю Наилия. Греюсь и чувствую, как выравнивается сердцебиение. Так тепло и хорошо, что язык не поворачивается назвать любимого мужчину Ваше Превосходство.

– Наилий, на диване спать удобнее.

– С него высоко падать, – отвечает генерал, и его грудь колыхается от смеха.

– Сильно я буянила?

– Нет, – врет мне полководец.

– А во сне разговаривала?

Поднимаю голову и пытаюсь разглядеть его в темноте. Обманывать, глядя в глаза, гораздо тяжелее, и Наилий просто отмалчивается.

– И часто у тебя так? – спрашивает он.

Укладываюсь обратно и вожу кончиками пальцев по белесым росчеркам шрамов. Тяну время и собираюсь с мыслями. Не объяснить так, чтобы ничего не рассказывать. В последней отчаянной попытке сбежать от признаний тихо говорю:

– Ты же читал мою историю болезни. Сам знаешь.

Наилий тяжело вздыхает, отчего я поднимаюсь и опадаю вниз.

– Нет, не читал. Глава медицинской службы у меня капитан Публий Назо, а для него врачебная тайна не пустой звук.

Вот ведь. Нервно ерзаю и тяну с дивана покрывало, чтобы укрыть нас обоих.

– Откуда тогда узнал, что я могу видеть привязки?

– Конспиролог рассказал.

Правильно, по его мнению, тайн и секретов не должно существовать вовсе. Мысленно проклиная болтливого мудреца и собираюсь с силами.

– Так сильно, как сегодня, не часто. Переволновалась и нацепляла духов через брешь в потенциальном барьере. Они, как мотыльки, летят на свет ярких выбросов эмоций. Негативные мощнее и вкуснее позитивных. Боль и страх – самое желанное лакомство. Пока я бодрствую, духи пьют меня молча и незаметно. Но стоит уснуть, и приходят кошмары.

– Разве это не забота психиатров, чтобы ты не мучилась кошмарами? – хмуро спрашивает Наилий. – Медики центра со своими обязанностями не справляются?

Типичный правитель. Мгновенные оргвыводы. Но ни в чем не повинного Луция надо защитить. Он сделал все, что мог. Несуществующие боги тому свидетели.

– Духам плевать, сколько таблеток я выпила. А под снотворным только хуже. Я не могу очнуться, и пытка становит-

ся бесконечной.

Генерал легко целует меня в макушку.

– Я покажу тебя Публию. Уверен, он что-нибудь придумает. А что такое потенциальный барьер и что за брешь?

Проклятье. А я так надеялась, что он пропустит незнакомые понятия мимо ушей. Создатель объяснил бы все просто и быстро, Маятник умно и красиво, а мне лишь бы самой не запутаться.

– Барьер защищает нас от сущностей из другого мира, как озоновый слой защищает планету от радиации. И в нем точно так же есть дыры. Он общий для всех и свой собственный для каждого. Большинство цзы'дарийцев его не замечает. А мудрецы чувствуют вот тут, – я кладу руку на затылок, – и слышат тихий, неясный шепот с той стороны. Мы можем подглядывать через дыры, что происходит там, наверху, а потом рассказывать.

Я умолкаю и смотрю на генерала. Со стороны рассказ звучит как бред шизофреника, и сейчас он обязан отмахнуться от меня и спокойно уйти спать наверх. Но полководец только кивает и говорит:

– Поэтесса пишет стихи, Маятник изучает устройство вселенной, а ты видишь привязки. Остальных тоже мучают кошмары?

Я прячу счастливую улыбку. С трудом удерживаюсь, чтобы не погладить его ласково. Неуместно сейчас.

– Нет, только меня, не знаю почему. Создатель говорит,

что я восприимчива, а духам полезен отклик. Можно больше выкачать. Но это только предположение. Мы хоть и видим, а мало что понимаем. Создатель строит свою теорию и двигается снизу вверх. Маятник начал с зарождения вселенной и пробирается сверху вниз. Надеюсь, они встретятся на потенциальном барьере и всё потом объяснят.

– Я читал труды Маятника и ничего не понял, – признается Наилий.

– Я тоже, – смотрю на него и улыбаюсь.

Он тянет меня выше и целует в висок.

– Как же тебе отдохнуть? Завтра так же будет?

– Нет. За один нервный и тревожный день я плачу одной ночью кошмаров. Завтра буду спать спокойно. Если, конечно, ничего нового не случится.

– Будем надеяться, – отвечает генерал и укутывает меня покрывалом, – постарайся уснуть. Не бойся. Я рядом и держу тебя.

Соглашаюсь и покорно закрываю глаза. Духи пируют до самого утра, доставая из меня все страхи. Падала с моста в реку, пережила ползающих по телу жуков и гусениц и проснулась, едва не утонув в болоте.

Мягкие рассветные лучи светила забираются в гостиную через окно, рассеивая тени и распуская мрак по углам. Наилий тихо спит подо мной, а я боюсь лишний раз пошевелиться. Смотрю на тонкий шрам под бровью, россыпь веснушек и светлую щетину, пробивающуюся на подбородке. Веч-

ный мальчишка. Ни густой бороды, ни усов, только жидкая поросль, которую нужно постоянно сбривать. Но даже сонный генерал не выглядит спокойным и умиротворенным. Он бледный, а на переносице морщины. Сильно вчера ударился головой. Отек на лбу спал, а синяк никуда не делся. Просыпаясь, он не поднимает головы, только ворочается с боку на бок.

Военные вообще и генералы в частности помешены на умении молча переносить боль. Любые ранения должны выносить без жалоб, со стиснутыми зубами и чтоб ни один мускул на лице не дрогнул. Никогда не понимала, зачем это нужно. Спрашивала у наших, они плечами пожимали. Особый шик. Глупость это, а не шик.

Взгляд у Наилия мутный, а поднимается он на ноги явно с большим трудом. Я встаю следом, и он качается вперед, хватаясь за меня.

– Сядь на диван, пожалуйста, – испуганно прошу я.

– Нет, мне нужно в спальню, – слабым голосом отвечает полководец.

– Зачем?

– Там таблетки в комбинезоне.

– Я принесу, садись.

Он упрямо стоит и не двигается. Цедит сквозь зубы, что сам. Я боюсь его толкать на диван и боюсь отпустить. Слабый и весь какой-то ватный. Уговариваю со второй попытки. Опускается на диван и запрокидывает голову на спинку. Как

он вообще вчера ходил ровно и что-то делал?

Натягиваю на себя платье, выхожу из гостиной и в спину слышу:

– Дэлия, и планшет с гарнитурой тоже принеси, пожалуйста-ста.

Кто бы сомневался, что работать будет даже полумертвый. Генералы не болеют, не имеют права на слабость, неуверенность и страх. Они как знамя всегда должны быть на высоте. А чего это стоит, никого не волнует. Никогда сама ничего не найду в карманах военного комбинезона, поэтому приношу его, стакан воды с кухни и кладу рядом с Наилием на диван планшет с гарнитурой. Он медленно и долго ищет нужный карман. Достает прозрачный пластиковый контейнер с россыпью разноцветных капсул и таблеток, почти не глядя цепляет пальцами два зеленых кругляшка и отправляет в рот. Запивает водой и минуту сидит с закрытыми глазами.

– Я встану, Дэлия, не сиди возле меня, – безжизненно говорит он.

Понимаю, что хочет остаться один, что больной сам себе противен, но не могу уйти.

– Как тебя угораздило?

Генерал кисло улыбается, кладет на колени планшет и рассказывает:

– Сам дурак. Катапультировался, главное, нормально, а вот приземлился неудачно. Парашютом за деревья зацепился. Думал, невысоко. Крепление расстегнул и свалился.

Верится с трудом, но я киваю.

– Тебе действительно нужно лежать.

Генерал молчит в ответ и включает планшет. Водит пальцами по экрану, открывает сообщения, я чувствую себя так, будто подглядываю за ним, и отворачиваюсь.

Саму после ночи подташнивает и кажется, будто не спала вовсе. Плотный и вкусный завтрак был бы кстати. Стягиваю волосы в хвост и спрашиваю:

– Что тебе приготовить?

– Что хочешь, – пожимает плечами Наилий, – выбор не велик. Здесь только консервы и сухие продукты. Давно не жил, все скоропортящееся убрал, а завезти не успели.

– Хорошо, что-нибудь соображу, – целую его в щеку и ухожу умываться. Забавно, но только сейчас понимаю, что встречаю первое нормальное утро за шесть с лишним циклов. Где нет режима, санитаров, утреннего обхода врачей, писка дронов-уборщиков и разговоров о конце света.

Я сама могу выбрать, что мне есть, приготовить это и положить в красивую тарелку. Заполнить кухню ароматом жареного мяса, сварить ягодный морс, а не развести витаминный порошок, и долго складывать веером текстильные салфетки. Почти медитация при правильном отношении к процессу. На запах в кухню приходит Наилий. Гладко выбритый, в расстегнутой на груди белой рубашке и тех же простых черных штанах. Но все еще бледный и отстраненный.

– Маятник не добрался до точки, – сухо говорит он и са-

дится за стол, – сегодня утром нашли труп сопровождавшего лейтенанта. Мудрец исчез.

Аппетит резко пропадает. Хмуро смотрю в тарелку и понимаю, что не смогу проглотить ни кусочка. Все наши держатся друг за друга, и даже мысль, что кто-то мертв, больно бьет. Не хочу в это верить. Вожу пальцем по краю стеклянного бокала и тихо говорю:

– Он жив.

Наилий выглядит расстроенным, но уже не таким злым. Сегодня от него не тянет тьмой.

– Я тоже так думаю, – спокойно отвечает генерал, – потому что мертвый Маятник не такой интересный и совершенно бесполезный. Так же, как и Создатель.

Вздрагиваю на имени второго мудреца.

– А про него ничего нового не известно?

– Рэм узнал одного из нападавших, встречались на совместных учениях, – рассказывает генерал, выполняя данное вчера обещание. – В масках все были, форма без знаков различия, а у знакомого Рэма двух пальцев на руке не хватает. Соседи, четвертая армия. Думаю, что объявится скоро Создатель. Всплывет, как подлодка на перископную глубину. Крупный игрок, долго прятать не будут.

Наилий сидит с прямой спиной и ест, как на светском приеме, чинно и аккуратно накалывая вилкой ломтики жареного мяса. А я думаю не об играх правителей и даже не о судьбе Создателя, который так мечтал реализоваться при жизни

вне стен психбольницы. Сознание раскалывается на части от дикой мысли, что охрану центра убили солдаты четвертой армии. Соседи. Цзы'дарийцы убили своих. Это совершенно невозможно. Наши солдаты – наемники. Профессиональные и очень дорогие наемники, воюющие почти на всех планетах известной части галактики. Но никогда у себя дома. Здесь цзы'дарийская кровь пролилась впервые.

– Тебя тоже кто-то из четвертой армии убить хотел? – спрашиваю Наилия и ощущаю, как возвращается паника и страх за его жизнь. Мой дом больше не моя крепость.

– Возможно, – холодно отвечает полководец и внимательно смотрит на меня, – но без доказательств я претензию Агриппе высказать не могу.

Друз Агриппа Гор – генерал четвертой армии. Сомневаюсь я, что ответные шаги Наилия уложатся в дипломатичную формулировку: «высказать претензию». И от этого становится совсем жутко.

– Нужно найти предателя среди своих, – продолжает говорить генерал. – Кто-то знал до минуты все мои перемещения. И про свидания наши в центре тоже.

Я готова головой об стол биться. Не знаю я. Чисты все офицеры вместе и каждый по отдельности. Разве что предателя среди них действительно не было.

– Сколько офицеров не пришли на бал?

– Около десяти, – отвечает Его Превосходство. – У всех алиби, Рэм проверял.

Догадка поражает ударом молнии. Проклятье. Настолько очевидно, что почти смешно.

– А если это кто-то из лейтенантов?

Номинально лейтенанты тоже офицеры, но это звание получает любой выпускник высшего военного училища. Низший командный состав. Молодые и перспективные, обделенные властью и допусками к секретам. Желторотые птенцы, молокососы. Их никто не воспринимает всерьез. Наилей задумчиво трет пальцем переносицу и говорит:

– Тогда найти будет сложно. Их слишком много, и я даже не знаю, за что цепляться. Кого подозревать? Рэм молчит, ты молчишь.

Проглатываю упрек и запиваю ягодным морсом. Не могу сказать, что сделала все. Не смотрела связи сюзерен – вассал. Догадка про Флавия и девятую армию до сих пор жгла и зудела недосказанностью.

– У тебя с собой планшет? – спрашивает генерал.

– Да, я забрала его из палаты.

Потерять такой подарок – нет уж. Все планшеты именные и есть только у офицеров. Сомневаюсь, что мой девайс Наилей у кого-то отобрал, скорее, выдал новый.

– Флавий прислал архив со стихами, я скопирую тебе. Можешь найти предсказания для Создателя?

Полководец тяжело поднимается из-за стола. Стоит на ногах крепко, но я вижу, как его слегка клонит вперед. Знаменитая генеральская осанка уже не такая прямая, как боевой

посох.

– Да, конечно, – я тоже поднимаюсь из-за стола и с тоской смотрю на так и не тронутый завтрак, – только приберусь здесь.

– Оставь, – недовольно морщится Его Превосходство. – Идем.

Он снова протягивает мне руку, а я стою на месте. Боли после сотрясения сильные даже под таблетками. Отягощенные невеселыми думами, они еще мучительнее. Кому нужно его геройство? Кто видит, кроме меня?

– Наиллий, – осторожно начинаю я, – может быть, ляжешь в постель?

– Только вместе с тобой, – полководец вымучивает улыбку и вдруг зло поджимает губы. – Или ты сбежала от меня не только из-за ночных кошмаров?

Паранойя – это надолго. Перестал считать предателем, зато решил, что избегаю близости с ним. Смотрю на протянутую руку и держу обеспокоенное выражение на лице изо всех сил. Одно неверное слово – и новый раунд допроса обеспечен. А еще он может просто развернуться и уйти. И я стану любовницей, которая посмела отвергнуть генерала. Не прощу себе никогда. Но язык не поворачивается сказать вслух, как мне с ним хорошо.

«Ты знаешь, как ему доказать».

«Юрао, он болен».

«И вчера тоже был. Мужчинам больная голова не мешает.

Главное, чтоб другая была здоровая».

Паразит. Жаль не могу ничем стукнуть, зато обещаю мысленно, что обижусь и буду игнорировать. В ответ вижу генерала с усмешкой на тонких губах. Закрываю глаза, прогоняя видение, и кладу ладонь в протянутую руку. Подхожу вплотную.

– Только кошмары и всего на одну ночь.

Целую, нежно касаясь губами, и жду, когда ответит. Он обнимает, и поцелуй становится глубже, пахнет ягодным морсом и выбивает опору из-под ног. Обвиваю руками шею, стараясь не задеть голову, почти таю от ласки, а Наилий останавливается. Отпускает из объятий и говорит:

– Прости, я был груб и невнимателен вчера. Больше такого не повторится, обещаю.

Груб – это он про нож, а невнимателен про то, что было после? Не ждала извинений, давно простила и теперь не знаю, как реагировать. На моё счастье этого и не требуется. Его Превосходство гладит меня по щеке и ведет за руку по лестнице в спальню. По пути спрашивает, где мой планшет. Забираю девайс из сумки в ванной и захожу в комнату под крышей, с окном от пола до потолка и кроватью под балдахинном. Генерал успел вернуть покрывало на место и теперь ложится поверх него, не раздеваясь. Чувствую себя обманутой. Стараюсь не дуть губы и ложусь рядом. Работать, так работать.

За цикл Поэтесса успела написать много стихов. Некото-

рые в четыре строчки, как предсказание сбитого ракетой катера, а другие длинные и заковыристые. Наилий читает от вчерашнего дня назад, а я от событий прошлого цикла вперед.

Время течет все медленнее и почти останавливается. Я заслушиваюсь музыкой слов, перекаत्याю на языке мягкое по-словкусие и сохраняю отдельно некоторые шедевры.

– Она когда-нибудь издавалась или начала писать, уже будучи мудрецом?

Вопрос Наилия застаёт врасплох. Думаю, считаю, вспоминаю.

– Нет, записи изымают санитары и подшивают к своим отчетам.

– Они секретны, знаю, – вздыхает генерал, – но с того, что уже сбылось и не имеет стратегического значения, гриф можно снять. Надо собрать комиссию и дать им задание.

Зарываюсь лицом в его плечо и тихо урчу от удовольствия.

– Спасибо. Поэтесса будет счастлива.

Наилий пожимает плечами, будто он тут не при чем, а я не могу удержаться от вопроса:

– Скажи, где она сейчас?

– У Публия, пироги ему печет, – расцветает улыбкой полководец. – Он меня сегодня спрашивал, нельзя ли брать работу на дом.

– Конспиролог тоже у кого-то дома?

– Нет, он на военной базе, – откровенничает генерал. – Снова в форме и в погонах. Женщин мы не могли так спрятать. Нельзя вам в армию. Но мы с Публием ничего не имеем против.

Если дело дошло до пирогов, то и Поэтесса явно не против. Просматриваю стихи, и вся наша жизнь в центре проносится перед глазами. Поэтесса пишет только о том, что касается её хотя бы косвенно.

Мудрецов очень мало, и любой такой же несчастный, кем бы ни был и каких проблем ни притащил бы с собой, сразу становится нашим. Встречается, выслушивается, успокаивается и навсегда занимает место в общей комнате. Связи нарабатываются феноменально быстро. Через неделю или две мы уже заканчиваем за него фразы и знаем, о чем будет спорить.

Потенциальный барьер для нас общий, только бреши в разных местах. Мы будто слепцы в темной комнате трогаем слона, пытаясь объяснить, как он выглядит. Одни ловят хобот и рассказывают, что слон тонкий и длинный, как змея, другие таскают животное за уши и сравнивают с птицей, а кто-то гладит по бескрайним бокам и рассуждает о плотности и шершавости кожи. Но это один и тот же слон.

– Нашел. Действительно, про мастер-ключ, – говорит Наиль и показывает предсказание на экране планшета:

В скорлупе прозрачной белой прозябаешь ты в неволе

*Но не хочешь покориться злой проклятой этой доле
Мотылька весенним утром ты лови рукой скорее
Подарил ей ключ от двери тот, кто в сотню раз щедрее*

Согласна, редкий случай, когда все так однозначно. Но это сейчас, а тогда Создателю нужно было пристально за мной следить, что он и делал.

– Выходит, действительно сам ушел, – задумчиво говорит генерал, – но зачем? Ты мудрец, объясни мне.

О, если бы я могла знать все, что творится в голове у Создателя.

– Его тяготила жизнь в центре. Нет, в бытовом смысле мы ни в чем не нуждались. Одеты, обуты, накормлены, но это не совсем жизнь. Создатель верит, что мы созданы для чего-то большего. Есть легенда о тройке. Наш персональный миф. Его нет в тезисах, и под запись он не озвучен. Сказка и почти шутка. Высочайшая концентрация мании величия Создателя.

Наилий откладывает планшет в сторону и не сводит с меня глаз. Ободренная его вниманием я продолжаю:

– Мудрецов единичек очень мало. Со всей Равэнны нас наберется всего сотня. Двоек из них будет около десяти. А тройка на всю планету одна. Мессия. Светоч Новой Великой Идеи. Будущий правитель мира, который соберет все знания воедино и откроет истину.

Генерал не удерживается от саркастической ухмылки. Я

его понимаю. Редкостный бред.

– Разумеется, Создатель уверен, что тройка – это он.

– Еще бы, – кивает полководец, – а на самом деле?

– Мы не то чтобы сильно верим, но если тройка появится, то теоретически им может стать любой из нас.

– Вот это ближе к истине, – соглашается Наилий, – по крайней мере, теперь понятен интерес ко всем вам. Предсказание – это неплохо, но Создатель шел на пустырь целенаправленно, и забрали его именно оттуда. Значит, кто-то успел предложить ему лучшие условия. Кто? Секретный военный центр. Тьер.

Пропускаю ругательство мимо ушей. Генерал снова раздражается и впадает в задумчивость. Я тихо лежу у него на плече и чувствую, как закрываются глаза. Тяжелая ночь не прошла бесследно.

– Мне надо погулять и подумать, – говорит Наилий и аккуратно перекладывает мою голову на подушку, – спи, Дэ-лия, я скоро вернусь.

– Хорошо, – бормочу сонно и отключаюсь.

Глава 7. Марк Сципион Мор

Бывает так, что я совсем не вижу снов. Как сейчас. Открываю глаза и понимаю, что за окном начало темнеть. Генерал еще не вернулся или работает в библиотеке. Вспоминаю, что не убрала со стола после завтрака, и становится стыдно. Единственная женщина в доме, хозяйка. Дрон-уборщик – лучшая хозяйка, чем я. Спускаюсь с высокой кровати и бегу на кухню. Стол пуст, посуды нет, а на блюде в обрамлении бархатных зеленых листочков лежат эдельвейсы.

Белоснежные пушистые звездочки с желтыми сердцевинами. Стебли чуть длиннее моей ладони. Совсем маленькие, но такие красивые. Никогда не видела их вживую. Родилась и выросла на равнинном материке, а эдельвейсы растут высоко в горах. Почти у границы вечного снега, среди скал и осыпающихся от каждого шага камней. Наклоняюсь над ними и тяну носом воздух. Ничего. Дистиллированная вода пахнет сильнее. Что же за аромат я тогда чувствую рядом с Наилем? Вот сейчас.

– В горах тоже свои легенды, – тихо говорит он у меня за спиной, – про гордых красавиц, которые просят юношей принести им в доказательство своей любви эдельвейс. Не каждый может до него добраться, слишком высоко. Срываются в пропасть, разбиваются о скалы, и нет ни любви, ни

счастья. Только одинокий белый цветок. Как парадный генеральский китель.

Оборачиваюсь и встречаю взгляд холодных голубых глаз. Наилий стоит, прислонившись плечом к дверному проему. Молния на военном комбинезоне застегнута под горло. На поясе бластер и боевой посох.

– Мне кажется, я всю жизнь карабкаюсь в гору, – продолжает он, – туда, к снеговой границе. И чем выше забираюсь, тем больше пустоты вокруг. Оглядываюсь назад и не вижу тех, кто был со мной у подножия. Смотрю вверх, а там только лед и вечный холод.

Зябко ежусь от его слов. Безысходностью от них веет и отчаяньем. Кладу на ладонь венчик эдельвейса и так же тихо отвечаю:

– Я тоже знаю легенды гор. Юноша нашел белый цветок. Вернулся и забрал сердце той, кому его подарил.

Наилий подходит ко мне, гладит по волосам и обнимает. А я понимаю, откуда взялся аромат эдельвейса. Так пахнет талая вода от нагретого на солнце снега. Запах-фантом, запах-ассоциация. Вечно юный мальчик, стоящий один на вершине горы в белом парадном кителе. Обнимаю его крепче и вздрагиваю. Комбинезон генерала холодный, как будто он только что вернулся с улицы. Мгновение застывает и рассыпается от шума из раковины. Будто огромная птица машет крыльями.

– Что это?

– Рыба, – улыбается Его Превосходство, – поймал, пока гулял. Хотел накормить тебя, но не успел приготовить. Звонками отвлекли.

Глупый вопрос, умеет ли он готовить, так и не слетает с кончика языка. Скоро перестану удивляться. Иду к раковине и разглядываю темные блестящие бока трех огромных рыб. Они таращатся на меня круглыми, как бусины, глазами и в немом угоре хватают воздух зубастыми ртами. Хищники свежепойманные. Живые и очень активные. Две рыбы прямо при мне начинают трепыхаться, и я взвизгиваю, как девочка. Наилей сдавленно смеется за спиной, а меня демон за язык дергает:

– Давай я сама приготовлю? – предлагаю, не подумав, что рыбу еще нужно выпотрошить и почистить, а я никогда раньше этого не делала. Крайне смутно представляю процесс и то в теории.

Генерал кивает, но с кухни не уходит, а отодвигает стул и занимает место в зрительном зале. Ладно, Ваше Превосходство, будет вам представление.

– Хороший большой нож в правом нижнем ящике, – подсказывает генерал.

Надеваю фартук, чтобы не испортить единственное платье, и достаю внушительного размера нож. Так, сначала рыбу нужно убить, безжалостно отрезав голову. А вот с этим у меня проблемы. Мысленно превращать живое существо в еду я так и не научилась. Недоступным осталось ощущение

себя вершиной пищевой цепочки. Предпочитаю не думать, откуда берется мясо в моей тарелке. Ставлю лезвие на ребро чуть дальше жабр, закрываю глаза и режу. Рыба испускает последний вздох и замирает.

«Обагрила руки кровью невинной жертвы?»

«Уйди. Хотя нет, стой. Рассказывай, что дальше делать».

«И лишит генерала удовольствия?»

«Ты мой паразит или его?»

Должна же быть от духа практическая польза. Юрао упрямится для вида, а потом делится картинкой. Пять минут увлеченно орудую ножом, забывая про внимательного зрителя.

– Почему ты не задаешь вопросов?

– Пока получается. Кажется.

– Нет, – говорит генерал, – почему ты не спрашиваешь меня, как я живу, где бываю?

Нож выскользывает из пальцев и падает на пол. Пока поднимаю, успеваю посмотреть на Наилия. Предельно серьезен и ждет ответа. А мне неловко от собственной невнимательности. Так люблю, что он мне не интересен?

– Твоя жизнь у всех на виду. Я много знаю из телевизионных передач, интервью, а спрашивать что-то личное, например, про родителей...

– У меня нет родителей, – отзывается Наилий, – я лабораторный мальчик. Генетический эксперимент. Из родильного зала сразу в горный интернат. Моя мать никогда не пыталась

узнать обо мне, а отец – безликая смесь генов.

Снова застываю, не дочистив чешую. Слышала о таких экспериментах. Суррогатные матери на три года освобождались от работ и жили на улучшенном довольствии. В обмен на полную анонимность, разумеется. Наводил справки генерал, иначе не сказал бы сейчас, что мать не искала его. Хоть и говорил нарочито безразличным тоном, а помнил до сих пор. Даже спустя столько циклов. И я буду помнить. Как мать закрывала за мной дверь, отправляя в психиатрическую клинику.

– Не могу похвастаться лучшим детством, – с трудом подбираю слова, стараясь не скатиться в обиду, – отца я тоже никогда не видела. А мать...

Все-таки вздыхаю и отворачиваюсь, ведя ножом по тушке рыбы против роста чешуи. Прозрачные пластинки отлетают с громким треском и прилипают к ножу. Так противно, что хочется вытереть их о край фартука или смыть под струей воды.

– Надеюсь, теперь она чувствует себя свободной, и никто ей жизнь не портит.

– Мы всех мудрецов объявили мертвыми, Дэлия, – монотонно произносит полководец, – чтобы забрать истории болезни и создать для вас новые жизни.

– Сменив одну клетку на другую?

Понимаю, что разговор заходит слишком далеко, но не могу остановиться.

– Клетка никогда не была заперта, – сухо возражает Наилий. – Я отдал тебе мастер-ключ. Создатель ушел, когда захотел. Наша вина, что не нашли для вас место в мире раньше.

– Потому что его просто нет, – глухо отвечаю я и отрезаю второй рыбе голову.

– Твое место рядом со мной, – твердо говорит генерал, – и я все сделаю, чтобы за тобой больше не закрывались двери.

Аккуратно откладывая нож в сторону. Рыба так и лежит на доске наполовину выпотрошенная. Веду пальцем по разрезу на брюхе и спрашиваю:

– Кто я для тебя? Забавная диковинка? Проблема, которую нужно решить?

Пока говорю, он встает и подходит ко мне. Обнимает за плечи и говорит над ухом:

– Ты моя женщина. Я люблю тебя и хочу быть рядом.

Комната качается и скатывается во тьму. В животе что-то обрывается и летит вместе со мной в бездну. Где-то в глубине надсадно стучит и рвется из груди. Горячее, живое, беспокоеное. И плевало оно на все доводы разума и логические построения.

– Я тоже тебя люблю, Наилий.

Выдыхаю и облизываю пересохшие губы.

– Прости, не могу обнять. Руки в рыбе.

Он тихо смеется и целует в макушку. Потом берет нож и, не отходя от меня, быстро чистит рыбу и нарезает на куски. Собирает их горкой и кладет в миску.

– Мой руки, я закончу. Разжег камин в гостиной. Запечем рыбу на углях, я даже фольгу нашел.

Замечаю, что все-таки испачкала рукава платья. И пахла рыбным духом основательно. Приготовить лучше Наилия вряд ли смогу, поэтому с чистой совестью убегаю в ванну.

Включаю воду и долго взбиваю мыльную пену. Запах преследует и не дает сосредоточиться. Мысли рассыпаются, а с волнением справиться почти невозможно. Любая мечтает услышать такие слова. Неважно, мудрец с диагнозом шизофрения или первая красавица планеты. Голова кружится, как от Шуи, по венам течет жидкое пламя эйфории. Я тоже люблю и хочу быть рядом.

Платье испорчено, снимаю и быстро застирываю. Достаяю из сумки белые больничные штаны и долго думаю, чем прикрыть грудь. Решаюсь на кражу из шкафа в спальне. Все рубашки белые, у военных других нет. Выбираю ту, что кажется проще, и надеваю, застегивая липучки.

Когда спускаюсь вниз, из гостиной вкусно пахнет едой. Наилий сидит в кресле перед камином и смотрит на алые от жара угли. Сбоку, там, где прохладнее, томится в фольге наш ужин.

– Последи за рыбой, пожалуйста, минут десять осталось до готовности, – просит генерал, – хочу освежиться, напрыгался по камням.

Проходя мимо, целует в щеку и отдает кочергу. Хорошо,

с этим я справляюсь. Засекаю время на планшете и несую с кухни посуду, накрывая на стол. Цепляю кочергой кулек из фольги на тарелку и аккуратно открываю. Аромат такой, что можно слюной захлебнуться. Пряные специи и сушеные травы. Куда там консервам из сухпайка? Теперь я понимаю, почему Наилий при его статусе готовит сам.

Устраиваю красоту на низком столе. Сидеть рядом удобно только на полу, скрестив ноги. Генерал возвращается в домашних штанах и рубашке. Мокрые волосы зачесаны назад, а на губах играет улыбка.

– Давай одеждой поменяемся.

Недоуменно поднимаю на него глаза, а Наилий касается пальцами золотого канта на моем воротнике.

– Это вместо погон, – поясняет он, – генеральская рубашка. Придумали, чтобы я мог не носить знаков различия. Не становиться лакомой мишенью для снайперов в командировках на особо агрессивных планетах. А свои признавали во мне командира и не посылали в бездну по неосторожности.

Краснею и опускаю глаза. Торопливо расстегиваю липучки, сбрасываю ткань с плеч и встречаюсь с голодным взглядом генерала. Он забирает рубашку и откладывает её в сторону. Садится на пол как можно ближе ко мне, и я забываю про ужин. Ладони накрывают мою грудь, скользя по спине до застежки белья. Раздевает Наилий быстро и профессионально. Мгновение – и я вся перед ним. Все еще стесняюсь и обнимаю себя за плечи.

– Выключи свет, пожалуйста.

– Нет, – твердо говорит генерал, – я хочу тебя видеть. Иди ко мне.

Аккуратно берет за запястье и открывает замок из моих рук. Усаживает к себе на вытянутые ноги.

– Раздевай.

Его взгляд всегда, как холодный северный ветер, звенящий голубыми льдинками, сейчас теплеет. На губах играет беззаботная улыбка. Такая, что хочется её поцеловать. Я наклоняюсь и пью с губ пряные специи. Дергаю за ворот и освобождаю от рубашки изрезанные шрамами плечи. Мне не нужно их видеть, я чувствую подушечками пальцев. Солдат, как любой в легионе. И генерал. Только мой. Пьянею все сильнее, сама сжимаю ногами и чувствую тепло внизу живота. Хочу его и помню, как это было в первый раз. Сейчас не нужно Шуи. Я уже теряю голову. Неловко расстегиваю ремень и веду собачку застежки-молнии вниз. Замираю на мгновение и ныряю под черную ткань.

Наилий тянет воздух сквозь сжатые зубы. Кладет ладонь на мою руку и помогает ласкать себя. Я научусь, правда, очень скоро. Он заставляет сжимать так, что я боюсь сделать больно. Касается губами шеи и ведет по ней языком. Нежно и дразняще. До дрожи.

– Ложись, – тихо шепчет генерал, подхватывает меня на руки и несет к дивану. Обивка грубая, шершавая и такая холодная под спиной. Наилий снимает брюки и возвращается

ко мне. Целует грудь, обводит языком сосок и спускается ниже. Я вздрагиваю и выгибаюсь. Еще ниже, мимо впадинки пупка. Останавливается на мгновение, гладит по бедрам и кладет мои ноги к себе плечи. Я сгораю от стыда и закрываю лицо руками, когда чувствую горячее и влажное прикосновение языка. Выгибаюсь дугой и рвусь вверх, прочь от него.

– Тише, не бойся, – говорит генерал и тянет обратно. Невозможно яркое ощущение. Сил сдерживать стоны не хватает. Бесстыдный поцелуй с языком, проникающим в меня. Откидываюсь на диванную подушку, и стон мой тянется высокой нотой. Каждое движение будоражит сильнее. Пока не достигла пика, пока еще могу остановиться, убираю ноги с плеч Наилия. Он поднимается и ложится на меня, накрывая телом.

– Понравилось?

– Да, да, – сбивчиво шепчу, и последнее «да» тонет в поцелуе. Генерал больше не осторожничает, вторгается в меня резко и очень глубоко. Обнимаю его за шею и чувствую, как ускоряется, входит в ритм. Выдыхает на каждый удар в мои открытые губы. Камин прогрел комнату так, что тяжело дышать. Жар проникает в меня, я вспыхиваю пламенем. Как же его много, и весь мой. Без остатка. Толчки становятся резче и грубее. Я почти проваливаюсь во тьму, когда взрываюсь. От судороги срываюсь на крик. Раздираю пальцами спину и слышу болезненный стон генерала. Его дергает, и он всем телом вжимает меня в диван. Семя изливается толчка-

ми во мне. Туман медленно отступает, возвращая в реальность. Где ярко пылают угли в камине, за окном наступает ночь, а я держу Наилия и не могу отпустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.